

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

*в воспоминаниях, дневниках, письмах
и статьях современников*

1905—1941

Виктор Петелин

**Михаил Шолохов в
воспоминаниях, дневниках,
письмах и статьях современников.
Книга 1. 1905–1941 гг.**

«Центрполиграф»

2005

Петелин В. В.

Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Книга 1. 1905–1941 гг. / В. В. Петелин — «Центрполиграф», 2005

Перед читателями – два тома воспоминаний о М.А. Шолохове. Вся его жизнь пройдет перед вами, с ранней поры и до ее конца, многое зримо встанет перед вами – весь XX век, с его трагизмом и кричащими противоречиями. Двадцать лет тому назад Шолохова не стало, а сейчас мы подводим кое-какие итоги его неповторимой жизни – 100-летие со дня его рождения. В книгу первую вошли статьи, воспоминания, дневники, письма и интервью современников М.А. Шолохова за 1905–1941 гг.

Содержание

Шолохов всегда со мной	5
1	6
2	13
3	18
4	23
Пролог	31
Часть первая	45
В.Н. Запевалов	45
А. Сергин	57
Т. Мрыхин	58
П. Чукарин	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Петелин
Михаил Шолохов в воспоминаниях,
дневниках, письмах и статьях
современников. Книга 1. 1905–1941 гг

Шолохов всегда со мной

Перед читателями – два тома воспоминаний о М.А. Шолохове. Вся его жизнь пройдет перед вами, с ранней поры и до ее конца, многое зримо встанет перед вами – весь XX век, с его трагизмом и кричащими противоречиями.

Двадцать лет тому назад Шолохова не стало, а сейчас мы подводим кое-какие итоги его неповторимой жизни – 100-летие со дня его рождения.

1

Двадцать лет прошло, столько разрушено, столько перемен, чаще всего катастрофических, в нашей стране, столько утрачено русским народом, а боль и горечь от этой потери до сих пор не унимается. Пожалуй, точнее всех сказал о своих чувствах М.Н. Алексеев, узнав о трагической, страшной вести: «Если можно одному человеку осиротеть дважды, так это случилось со мной. Первый раз – в 33 году, когда умерли с голоду отец и мать. И вот теперь, когда умер Он. Да что там я? Осиротела вся наша литература...» И не только литература, а миллионы читателей всего мира со скорбью узнали об этой смерти.

Конечно, мы знали о болезни Шолохова, о тяжелых днях, проведенных им в больнице, и о диагнозе, не дававшем никаких надежд. Но и в эти дни из Вешенской доносились шолоховские призывы укреплять «связь времен», помнить о «светлых традициях в жизни народов», свято блюсти «то доброе, героическое, что накоплено прадедами и отцами, завоевано ими и нами в борьбе за лучшие народные идеалы, за свободу и независимость», «за социализм». Смертельно больной Михаил Шолохов обратился к писателям мира с призывом «Защитим жизнь, пока не поздно!». «Друзья и коллеги, писатели Земли, я обращаюсь к вам в чрезвычайно ответственное для человечества время, – писал Шолохов. – Около тридцати лет назад, когда стремление людей к миру, казалось, повсеместно стало побеждать разрушительный дух «холодной войны», со страниц журнала «Иностранная литература» я уже обращался к мировому братству писателей с призывом повести откровенный и живой творческий диалог между литераторами Востока и Запада, людьми разных взглядов и убеждений.

Такое обращение было продиктовано тогда стремлением и желанием объединить усилия тех, кто силой художественного слова способен влиять на человеческие умы и сердца... Я призываю литераторов мира, писателей современности, моих друзей и коллег, возвысить голос против продолжающегося безумия, безостановочного ядерного вооружения...»

Даже в самом дурном сне Шолохову не могло присниться то, что происходит в нашей стране и что происходит в мире вообще: бурные нефтяные и газовые потоки на Запад, Буш-старший и Буш-младший, Ельцин и Черномырдин, Ирак, Чечня, русские беженцы из Туркмении и Казахстана, наконец, демографическая катастрофа русского народа, когда чуть ли не ежедневно умирает русских от 2500 до 5000 человек, катастрофа, которую русские ученые называли «избыточной смертью».

М.М. Шолохова, младшего сына писателя, как-то спросили: как бы воспринял Михаил Александрович «сегодняшнюю нашу действительность»?

– ...Все, что для него святым было, что он считал нужным сохранить и приумножить, все разрушено, – ответил Михаил Михайлович.

И может быть, самым святым для него было предназначение писательского Слова. Он был уверен, что писательские орудия – перо и бумага – могут стать могущественнейшим средством для достижения истины, для пробуждения миролюбия в умах и душах мирового сообщества, для формирования и развития лучших человеческих качеств – благородства в помыслах и поступках, мужества и стойкости в преодолении препятствий на пути справедливого социально ориентированного устройства общества и государства, трудолюбия и умеренности в потреблении благ современной цивилизации, бескорыстия и сострадания к попавшим в беду.

В нобелевской речи Шолохов сказал: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив».

Шолохов на своем веку испытал не только успех, славу, но и много препятствий вставало на его творческом и человеческом пути, не раз дамоклов меч висел над его головой, готовый

в любую минуту опуститься, не раз возникал у власть имущих вопрос: печатать или не печатать «Тихий Дон» или «Они сражались за родину», стоило лишь в чем-то потрафить Времени или властелину, но Шолохов всегда оставался верным своему творческому замыслу, тому, что вышло из-под его пера... Не раз возникали и конфликты с руководством Союза писателей СССР, особенно обострились эти отношения после глупейшего исключения Бориса Пастернака из Союза писателей за публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго».

Во время пребывания в апреле 1959 года в Париже (см.: Правда. 1959. 17 и 24 апреля) Шолохов высказал свое отношение к «делу Пастернака»: «Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе, вместо того чтобы запрещать ее. Надо было, чтобы Пастернаку нанесли поражение его читатели, вместо того чтобы выносить его на обсуждение. Если бы действовали таким образом, наши читатели, которые являются очень требовательными, уже забыли бы о нем. Что касается меня, то я считаю, что творчество Пастернака в целом лишено какого-либо значения, если не считать его переводов, которые являются блестящими. Что касается книги «Доктор Живаго», рукопись которой я читал в Москве, то это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа».

Интервью Шолохова, опубликованное во французской газете «Франс суар», переположило высших чиновников не только Союза писателей, но ЦК КПСС. Заведующий отделом культуры ЦК КПСС Д. Поликарпов в связи с этим высказывает своему руководству свои предложения: «Считал бы необходимым в связи с этим поручить советскому послу во Франции проверить достоверность сообщения «Франс суар» и, если такое интервью имело место, обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам. Если сообщение газеты ложное, рекомендовать т. Шолохову опровергнуть его публично». Одновременно с этим сотрудники отдела культуры подготовили текст телеграммы советскому послу во Франции. А между тем Союз писателей уже исключил Бориса Пастернака из членов Союза писателей, а ему самому под давлением «общественности» пришлось отказаться от Нобелевской премии за 1958 год. Эта глупость литературных чиновников лишь «подогрела» интерес к роману, его перевели на восемь европейских языков и издали чуть ли не миллионным тиражом. (Подробнее см.: Российский гос. архив новейшей истории / РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 93. ЛЛ. 25–31. Р. 5840. Здесь хранятся перевод из «Франс суар», проект телеграммы послу в Париже, письмо Д. Поликарпова и др.)

К сожалению, эта давняя глупость литературных чиновников аукнулась и в сегодняшних литературных баталиях: одни превозносят «Доктора Живаго», включают в проект нового стандарта для старшей школы, внушают во всех «демократических» СМИ у нас и за рубежом, что это произведение чуть ли не единственное правдивое произведение о революции и Гражданской войне, другие упорно утверждают, что «Доктор Живаго» – «слабенький роман», «который критики», «как ни пытались раскрутить, так и не раскрутили». И действительно, сколько я ни пытался всерьез исследовать это сочинение, застревал на половине романа, выдыхался, как будто несу непомерную тяжесть, да еще и на крутую гору: настолько банально развитие сюжета, настолько сухи и безжизненны образы, претенциозны философские рассуждения, скучны лирические описания, да и события широко известны по произведениям выдающихся мастеров русской классики...

И жалкие русофобы из Министерства образования предлагают это сочинение включить в качестве обязательного в школьную программу, а «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М. Шолохова выбросить... Ну и ну!

В связи с этим возникает поднадоевший за многие лета вопрос: Солженицын и Шолохов, так называемый «шолоховский вопрос». Тридцать лет ненавистники и завистники пытаются низвести Шолохова с народного пьедестала, столько напраслины было высказано за это время, что просто диву даешься тем глупостям, которые широко распространялись в средствах

массовой информации после выхода в свет в 1974 году, в Париже, клеветнической книжонки, опубликованной с предисловием Солженицына. В то время Солженицын прослыл страдальцем, мучеником, его авторитет в мире был довольно высок, и он воспользовался своим авторитетом для низкой цели – возродить давно забытую и отвергнутую клевету, будто Михаил Шолохов раздобыл рукопись какого-то гения и переписал ее, внося бездарную отсебятину.

Так Солженицын отомстил Шолохову...

А вроде бы ничто не предвещало возникновения и развития такой злобной мстительности. Впервые Солженицын и Шолохов столкнулись на правительственном приеме у Хрущева. Солженицын растерялся и ничего не успел сказать Шолохову, которого всю жизнь боготворил, восхищаясь «Тихим Доном». И о своей растерянности, о высоких чувствах, которые он питал к автору «Тихого Дона», высказывался в телеграмме в Вешенскую сразу же после этого случайного столкновения в толпе, клубившейся около Хрущева.

Но стоило Шолохову высказать свое отношение к Солженицыну, как отношение круто изменилось, лишь одну фразу обронил Шолохов на вопрос корреспондента одной из западных газет: «Как вы относитесь к Солженицыну?» К Шолохову, после получения им Нобелевской премии, приезжали десятки, сотни журналистов, вопросы были самые разные.

– Не всякую мемуарную литературу можно назвать художественной, – сказал Шолохов.

Эта фраза облетела весь мир, стала известна и Солженицыну, тщеславному и самолюбивому, возмнившему уже тогда, в 1965 году, что его ожидает слава Художника, Творца, Создателя великих художественных образов, а его назвали всего лишь автором мемуарной литературы... Было от чего прийти в ярость и затаить злобу.

А через год произошло еще одно литературное событие, которое окончательно окрасило отношения Солженицына к Шолохову. «Новый мир» задумал опубликовать роман Солженицына «В круге первом», набрали, сверстали, но цензура отказалась подписать его в таком виде, предложив свои сокращения. Твардовский попросил Секретариат Союза писателей СССР, органом которого и был журнал «Новый мир», обсудить роман и предложить для печати приемлемый вариант как для автора, так и для общества. Предложили прочитать и Шолохову, как одному из секретарей СП СССР.

«Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом», – писал Шолохов в Секретариат ССП 8 сентября 1967 года. – Поражает – если так можно сказать – какое-то болезненное бесстыдство автора. Свои антисоветские взгляды Солженицын не только не пытается скрыть или как-то завуалировать, он их подчеркивает, выставляет напоказ, принимая позу этакого «правдооткрывателя», человека, который, не стесняясь, «режет правду-матку» и указывает со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные партией и Советской властью, начиная с 30-х годов.

Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в оперативном (опечатка в тексте, возможно: в опереточном. – В. П.) стиле, да еще виршами такими примитивными и слабенькими, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить нечего. Все командиры русские и украинец либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными стараниями автора?

Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нержина и «демонической» Галины, никчемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские («солдаты-поварята») и солдаты татары? Почему власовцы – изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных

наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом».

У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности, после его письма съезду писателей в мае этого года), что он душевнобольной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр и не мое дело определять степень поражения психики Солженицына. Но если это так, – человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37 года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям и молодым особенно.

Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить.

8. IX. 67 г. М. Шолохов».

В ноябре 1969 года Солженицына действительно исключили из Союза писателей СССР, а на Западе из него сделали гения, мученика, страдальца, дали Нобелевскую премию, то есть все произошло точно так же, как и с Борисом Пастернаком: глупость литературных чиновников и власть имущих в государстве породила западный «бум» вокруг личности и творчества Солженицына.

Ну а затем, через четыре года после присуждения Нобелевской премии, в 1974 году Солженицын нанес ответный удар Шолохову, издав в Париже «Стремя «Тихого Дона» со своим предисловием, в котором напомнил «слухи» 20-х годов, что Шолохов «нашел готовую рукопись (по другим вариантам – дневник) убитого казачьего офицера и использовал ее».

Об этом так называемом «шолоховском вопросе» написано много талантливых статей и книг у нас и за рубежом, назову лишь статьи из книги Льва Колодного, Владимира Васильева, американского профессора Германа Ермолаева, норвежского профессора Гейра Хьетсо, Федора Бирюкова, Валентина Осипова и многих других. Казалось бы, спор окончен... Но летом прошлого года «Новая газета» заявила, что необходимо вновь вернуться к неоконченному спору об авторстве «Тихого Дона», и напечатала одну за другой статьи под сенсационными, как обычно в таких случаях, заглавиями: «Они писали за Шолохова. Самый грандиозный проект XX века» и «Шолохов начал писать «Тихий Дон» в семь лет?».

«Литературная газета» в статье В. Баранова и Ю. Круглова «Литературные киллеры стреляют мимо цели» дала убийственный анализ первой из этих статей, показав всю беспомощность использованных «доказательств» автора, его наивность и «вовсе не безвредный дилетантизм». А о второй статье в «Новой газете» даже и говорить не стоит: настолько она претенциозна и глупа, хотя авторы ее в своих «доказательствах», казалось бы, опираются на «документы».

И еще об одной статье, весьма удивившей меня своим «открытием»: «Милосердие есть добродетель. И именно такое добродетельное возрождал в стране уже более трех десятилетий назад Солженицын, передав все мировые гонорары от «Архипелага» на помощь политзаключенным и их семьям» (Литературная газета. 2004. № 6. 11–17 февраля. С. 4).

Всю свою долгую жизнь М.А. Шолохов, начиная с первых гонораров, занимался «добродетелью», помогал одностаничникам обустроить Вешенскую, строить дороги, водопровод, театр казачьей молодежи, школу в Каргинской, внимательно следил за судьбами знакомых и близких по духу людей, помогал им материально, выручал их из случайной беды. Об этом много говорилось в воспоминаниях о Шолохове, в статьях и монографиях. Хорошо, что Солженицын организовал тридцать лет тому назад «Русский общественный фонд», помогал политзаключенным и их семьям. Но стоит хотя бы полистать сборник «Письма» М. Шолохова

(М.: Советский писатель, 2003), обратить внимание на письма Сталину, Хрущеву, Микояну, Полянскому, Воронову и др., чтобы убедиться, что «доброделание» для Шолохова – священный долг русского писателя идти на помощь попавшим в беду, униженным и оскорбленным властью. Полистайте «Письма» Шолохова, и вы многое узнаете о том времени, в которое он жил и работал и которое насыщало его книги трагическими конфликтами, неиссякаемым юмором, бесстрашной иронией, прекрасными подвигами, радостями, противоречиями, узнаете о его чувствах и мыслях, творческих победах и огорчениях, узнаете о том, что Шолохов не только гениальный писатель, но и отважный правдоискатель, правдолюбец, мужественный и стойкий борец за справедливость, постоянный «добродельщик», но добро его входило в жизнь человека без эффектных поз, без шума и крика, скромно и незаметно, без афишированного фонда собственного имени. Так издавна сложилась русская традиция «доброделания», гуманная, милосердная.

К сожалению, в этот сборник не вошли некоторые письма, недавно обнаруженные и кое-что дополняющие о творческой истории «Тихого Дона» и об их авторе:

17/VI-26 г.

ст. Букановская.

Дорогой тов. Посвянский!

Спасибо за уведомление. Спешу с ответом. Я рад, что рассказы мои идут у вас, но теперь остается договориться о двух вещах: первое, нужно ли предисловие, и если – да, то чье? Второе, если ты ничего не будешь иметь против, то я на днях, или вернее с получением от тебя ответа, перешлю вам еще одну вещь размером в 2 п. листа, говорю я об этом потому, что мне хотелось бы пополнить сборник и сделать его более «внушительным». Если вас не смущает общий размер книги (включая эту новую вещь – в 9 п. л) то договорюсь с кем следует срочно сообщи мне. Буду очень благодарен.

Условия оплаты, т. е. 100 р. за 1 п. лист, я считаю приемлемыми для себя.

Жду ответ. Адрес прежний.

С дружеским прив. М. Шолохов.

2. ст. Вешенская

3 февраля 1927 г.

Дорогой дружище!

Прежде чем говорить о неоконченном еще романе, выслушай следующее: 21-го января с/г мне за «Лазоревую степь» послали в окончательный расчет 450 р. Перевод, кто-то очень внимательный к служебным делам, адресовал на имя несуществующего Александра Михайловича Шолохова, в то время, как меня зовут Михаилом Александровичем, и... денег мне с почты не выдают по сие время.

26-го января, в день получения перевода, я послал по адресу – Москва, издательство «Новая Москва» – телеграмму приблизительно содерж.: «Мною получен перевод почте адресованный Александру Мих. Нужно Мих. Александр. Переадресуйте телеграфно».

Ждал 27-го, ждал 28-го, словом нет ничего и по нынешнее число.

Прошу тебя, скажи кому следует, что такое отношение не мыслимо. Пусть поскорей исправят ошибку, иначе перевод и деньги возвратят опять в Москву.

Меня обманывали в течении 3 м-цев обещаясь выслать деньги, не только меня, но и тех, кого я просил справиться об этом. (Пример с Новокшоновым, которого еще в конце ноября небезызвестный Циплаков убедил в том, что

деньги мне посланы.) И теперь, этакое издевательство. Палец о палец не стукнут для того, чтобы поторопиться исправить свою ошибку и вывести меня из дурацкого положения, когда деньги вторую неделю валяются на почте, а я бегаю в поисках рубля.

Согласитесь, т. Посвянский, что подобное отношение со стороны некоторых правителей изд-ства если и не исключает окончательно возможности содружественной совместной работы, то и не способствует этому, это – мягко выражаясь.

Я с величайшим уважением отношусь к тебе потому, что ты чутко относишься не только к автору, но и к книге. Если б все были у вас там такие.

Ты спрашиваешь о романе, думаю что создашь безошибочное представление о ходе моей работы, если учтешь то, что в течении 3 м-цев изворачивался я, как уж под вилами в поисках займов и прочих бюджетно-паскудных делах. Сейчас у меня в окончат, обработке три первых части (не думай, что это – «плод» 3-х месячной работы...) как окончу и перепечатаю – вышлю тебе. Ты будешь исподволь знакомиться с вещью, а об условиях поговорим после. Хочу поставить тебя в известность, что окончу не раньше осени, это – раз; что размер велик 40–45 п. л., это – два.

Друг, прежде всего, поторопи кого надо, чтобы уладили с переводом. Надеюсь. Пиши. Поскорее пиши!

Сообщи не возражаешь ли против присылки тебе романа кусками, и вообще не возражаешь ли?

Потом, как ты мыслишь насчет этой вещи. Рад буду видеть подробное письмо от тебя. Кто по слитию изд-ств остался из прежних? Из прежних?

С приветом М. Шолохов.

Письма печатаются по ксерокопии автографов, любезно предоставленным хранителями Натальей Павловной Посвянской и Александром Сергеевичем Лонгиновым, частично опубликовавшим письма в «Народной газете» 5 июня 1993 года. «Эти письма – не только давние свидетели дружбы двух очень разных по характеру молодых людей, – писал Александр Лонгинов, – но, и это главное – дают некоторое представление о ходе работы над великим романом». Точно сказано, добавлю лишь, что затем дороги Михаила Александровича и Павла Борисовича разошлись: Павел Борисович стал доктором медицинских наук, директором одного из медицинских институтов, но часто вспоминал молодые годы, когда он работал редактором издательства «Новая Москва» и близко сошелся с Михаилом Шолоховым. Это еще одна грань портрета М.А. Шолохова.

Не лишним будет и цитата из очерка о П.Б. Посвянском (1904–1976): «...профессор Посвянский Павел Борисович был человеком удивительной судьбы и таланта. Психиатр с мировым именем, первый ученый, сексопатолог России, владеющий несколькими языками, великолепный знаток русской поэзии и прозы, замечательный декламатор произведений Пушкина, Тютчева, Фета, Есенина, Бернса, Маяковского... Библиотека Посвянского – уникальное явление...» (Лонгинов А. Как пришел Павлуша // Народная газета. 1993. 29 мая).

В эти годы катастрофических перемен в нашей жизни внимательнее всматриваешься в то, что было в советское время, отчетливее видишь положительное, сожалешь об ошибках, которые вполне можно было избежать, если бы во главе государства были бы люди честные, умные, а главное – бескорыстные. Но увы... Не буду повторяться, об этом уже много написано.

Внимательнее всматриваешься и в то, что говорил в своих статьях, выступлениях, интервью М.А. Шолохов... И столько пророческих предвидений высказал он... Приведу лишь один пример из его интервью редактору чехословацкой газеты «Руде право» во время пребывания

в Праге в апреле 1958 года. Только что Шолохов опубликовал обращение ко всем писателям Запада и Востока с призывом организовать конференцию и найти общий язык в борьбе со многими противоречиями, все еще раздиравшими мир в убийственной «холодной войне».

Отвечая на вопрос: «Чем, по вашему мнению, должна заниматься конференция писателей?» – Шолохов сказал, что конференция должна заниматься «вопросами борьбы за честную, непродажную литературу»: «Я имею в виду, например, борьбу с порнографической литературой, со всякими «комиксами», которые портят молодежь и прививают ей нелепые вредные взгляды. В то же время должны быть осуждены люди, которые, профессионально владея пером, пишут сценарии гангстерских, человеконенавистнических фильмов, получивших такое широкое распространение во многих странах. Борьба против шовинизма, расизма, милитаризма – эти серьезные вопросы тоже должны занимать нас. Ведь творчество – это прежде всего дело морали, нравственности, гуманизма! Необходимо сломать эту отравленную черную стрелу и обезоружить стрелка...»

Я знаком с одним очень одаренным и по-настоящему талантливым европейским писателем: его произведения не находили справедливой оценки на родине. Критика его замалчивала, издатели не печатали. Жил он в нужде. Но вот он написал порнографический роман и сразу стал богатым. Я думаю, что эта достойная сожаления история не дело одного писателя, которого я имею в виду. Человечество потеряло одаренного художника. Из литературы ушел человек и стал талантливым профессиональным отравителем. Я считаю, что таких вещей допускать нельзя. Среди писателей должны найтись люди, которые протянули бы ему дружескую руку помощи...» (см.: *Шолохов М.* Соч. Т. 8. М., 1986. С' 253–254).

Напомню, что именно с этих морально-эстетических позиций Шолохов осудил и сочинения А. Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом». А сколько талантливых писателей в погоне за сегодняшним успехом пишут порнографические романы, «комиксы», «сценарии гангстерских, человеконенавистнических фильмов». А потом получают престижные премии за эту продажную литературу.

И все эти годы, после смерти М.А. Шолохова, я ждал и надеялся, что талантливые его последователи вырастут, распрямятся, понаблюдают за этой вакханалией, которая происходила и происходит в наше время во всех областях и сферах нашей общественно-политической жизни, и выскажут свое смелое, емкое, мужественное слово, создадут великие образы, достойные великих традиций русской литературы, но, увы, и самые одаренные русские писатели, от которых много ждали, ограничивают свои писательские опыты мелкотемьем, ищут своих персонажей на обочине нашей действительности, а некоторые с поклоном принимают премию из рук Солженицына, навсегда запятнавшего свое имя среднего публициста, одаренного, пострадавшего оттого, что возвел напраслину на великого Художника XX века и до сих пор не раскался, как к этому не раз призывали самые совестливые писатели нашего времени.

«Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека, – говорил Шолохов. – Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества».

2

Фальсификаторы русской истории пытаются очернить великие события прошлого – Октябрьскую революцию, индустриализацию, коллективизацию, Великую Отечественную войну и другие.

Почти все средства массовой информации отметили 50-летие со дня смерти И.В. Сталина. И как обычно в последние годы, наше общество разделилось в оценке этой исторической личности. Одни, глубоко анализируя объективные данные пройденного Россией под руководством Сталина исторического тридцатилетия, находят возможность отметить как положительные, так и отрицательные стороны в деятельности Сталина, другие, не опираясь на сколько-нибудь серьезный анализ событий, обстановки, в том числе и международной, дудят в одну дуду – «чудовище», «монстр», «палач», «тиран» и пр. и пр.

И в этом случае мы на помощь себе можем обратиться к творческому наследию М.А. Шолохова. Я уж не говорю о романе «Они сражались за родину», который многие хорошо помнят и знают, что говорил Александр Стрельцов, только что вышедший из тюрьмы, безвинно туда попавший. Здесь устами своего героя говорит сам Шолохов: «На Сталина обижаюсь. Как он мог такое допустить?! Но я вступал в партию тогда, когда он был как бы в тени великой фигуры Ленина. Теперь он – признанный вождь. Он создал индустрию в стране, он провел коллективизацию. Он, безусловно, крупнейшая после Ленина личность в нашей партии, и он же нанес этой партии тяжкий урон. <...> Во всяком случае, мне кажется, что он надолго останется неразгаданным не только для меня...»

Запомним: он создал индустрию в стране, провел коллективизацию. А в итоге прошедшего двадцатилетия, в итоге этих исторических событий было создано новое поколение людей...

Поколение людей, которым просто восхищается Александр Стрельцов: «И какой же народище мы вырастили за двадцать лет! Сгусток человеческой красоты! Сами росли и младших растили. Преданные партии до последнего дыхания, образованные, умелые командиры, готовые по первому зову на защиту от любого врага, в быту скромные, простые ребята, не сребролюбцы, не стяжатели, не карьеристы. У любой командирской семьи все имущество состояло из двух чемоданов. И жены подбирались, как правило, под стать мужьям. Ковров и гобеленов не наживали, в одежде – простота, им и «краснодеревщички не слали мебель на дом». Не в этом у всех нас была цель в жизни! А гражданские коммунисты, а комсомольцы? Такой непробиваемый стальной щит Родины выковали, что подумаешь, бывало, – и никакой черт тебе не страшен. Любому врагу и вязы свернем и хребет ломаем!»

И тут как снег на голову свалился тридцать седьмой год.

Здесь мне хочется обратить ваше внимание именно на эти мысли, высказанные Стрельцовым, с которым полностью согласен Шолохов. В ходе индустриализации и коллективизации возникло целое поколение, которое сознательно шло на ограничение своих потребностей во имя достижения высоких целей для всей страны, для всего народа.

И морально разложившиеся люди, особенно коммунисты высших должностей, чаще всего подвергались аресту и уничтожению вообще.

Простота и ограничение во всем – норма того времени, норма нового общества, норма социалистического мироустройства.

Подумайте над этим и не слушайте тех, кто болтает о пустых магазинах при советской власти, а огромные очереди первых лет позорного десятилетия с 1991-го по 2000 год созданы искусственно пришедшими к власти демократами во главе с Ельциным...

В мире все чаще говорят о катастрофическом кризисе общества потребления как образа жизни, где удовлетворение материальных потребностей превалирует над духовными, стано-

вится целью жизни, самоцелью. Это общество потребления, которое еще называют «золотым миллиардом», не имеет перспективы, не потому, что это плохо – все иметь, всем, что изобрели, пользоваться, а потому, что возможности природы, откуда черпают все блага, ограничены, и возникает острое противоречие между природой и человеком, между желанием и возможностями, между потреблением и ограниченностью природных ресурсов. И коммунисты, социалисты, особенно при Сталине, предвидели будущий глобальный и неизбежный конфликт между человеком и природой и шли на сознательное ограничение в потребностях.

Посмотрите, как одевался и как жил Ленин. Как одевался и как жил Сталин. Как одевался и как жил Шолохов, сходите в дом, где Шолохов жил в 30-х годах, в дом-усадебку. Скромная обстановка, только самое необходимое, а ведь его книги приносили огромный доход государству, а ему самому за каждое переиздание все меньше и меньше – таков был закон по авторскому праву.

И это не прихоть или желание одного человека – это было и остается сутью коммунистической идеи.

Шолохов не раз говорил об этом, не раз писал. В разговоре с одним из корреспондентов Шолохов, говоря о больших задачах, стоящих в начале 70-х годов прошлого века, и призывая сохранять верность тем идеалам, ради которых народ шел в революцию и победил в Великой Отечественной, так сформулировал главную задачу:

– Думаю, что прежде всего нужно помнить о чистоте коммунистических идеалов. Нужно помнить о бескорыстном и верном служении идее. Коммунизм – это последовательное бескорыстие не на словах, а на деле (Земле нужны молодые руки. С. 169).

В этой короткой фразе дважды Шолохов говорит о бескорыстии как непременном качестве как рядового, так и начальствующего коммуниста.

И рухнула коммунистическая идея, а вместе с ней и великое государство, только потому, что пришли люди гнилые, слабые, во главе государства стали приспособленцы, разрушители, а главное – люди, увидевшие во власти возможность урвать себе кусок пожирнее и послаще. Один только пример, хотя их можно привести сотни и тысячи. Андрей Караулов в своей передаче «Момент истины» сообщил, что Горбачев от корейского президента получил сто тысяч долларов, жена Горбачева тоже сто тысяч, а кроме того, получала в каждую поездку подарки, стоимость которых в десятки раз превышала эти жалкие сто тысяч долларов. А после Горбачева к власти пришел самодовольный властолюбец, пьяница, который в бане, по словам очевидцев, на пьяной коленке подписывал указы, в которых раздавалось госимущество ближним к семье.

Шолохов был верен коммунистическим идеалам и был примером бескорыстного служения социалистическому государству.

И по-прежнему набатом звучат слова коммуниста Семена Давыдова в ответ на вражеский голос, помните:

– ...Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим. Но если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам!

Сейчас чаще всего исследователи того или иного произведения Шолохова предупреждают о новом его прочтении по сравнению со своими предшественниками, но также чаще всего не ссылаются на эти статьи, книги, выступления. И что? При новом прочтении вы можете не обратить внимания на эти слова Давыдова?

Каждое новое поколение читателей видит в классических произведениях нечто свое, близкое или неприемлемое... Исследователи должны выражать мнение свое и своего поколения, но непременно необходимо вспоминать тех, кто уже дал свое прочтение художественного произведения и по-своему оценил его.

Главная и основная задача шолоховедения – вчера, сегодня, завтра – заключается в том, чтобы дать объективный, многогранный, всесторонний анализ произведения, раскрыть творческий замысел художника, используя все возможные средства – письма, дневники, воспоми-

нания и другие документы, – для того, чтобы полнее и всестороннее понять и раскрыть созданные характеры, ситуации, конфликты и столкновения в ходе диалектического общественного развития во времени и в обстоятельствах.

Поэтому и так называемое новое прочтение подчиняется все тем же законам научного познания произведения...

И еще раз повторю, заканчивая размышления по поводу гибели социализма.

Социалистическая идея и основанное на этом государственное строительство и моральный кодекс участников этого строительства – все это базировалось на разумном расходовании природных ресурсов, на разумном ограничении собственных потребностей, научно обоснованном и практикой проверенном.

Либо мы должны научно обосновать разумные пределы ограничения в потреблении земных благ, либо человечество встанет на грани самоуничтожения.

То, что делают сейчас с нашей страной молодые хищники, – преступление, и мы должны помешать продолжению этих творимых преступными руками безобразий, наглых и безответственных.

Отказ от социалистических идей и строительство новой модели общества на устаревших капиталистических принципах в самое ближайшее время может пагубно отразиться на судьбе России как государства, на судьбе русских как нации, великого народа.

Шолохов даже в самом дурном сне не мог представить себе то, что сейчас у нас происходит во всех областях и сферах нашей жизни.

Однажды в канун юбилейного семидесятилетия, в апреле 1975 года, в Вешенской, сотрудники телевидения спросили М.А. Шолохова, что он чувствует накануне юбилея.

– ...Вы когда-нибудь видели старика крестьянина? Вот сидит этакий старик на завалинке или на скамейке около дома, некогда сильные руки безвольно опущены на колени, спина согбенная, взгляд потухший – вот вам живописный портрет юбиляра. Не обязательно крестьянин. И рабочий, и интеллигент – все одинаковы в этом возрасте, когда семьдесят. Старость ведь не щадит, как и смерть, ни полководцев, ни рядовых. Что ж, невеселая дата в общем-то. Вот с таким настроением я и иду к, казалось бы, такому замечательному событию.

А на вопрос: «Что сформировало вас как художника и как человека?» – Шолохов тоже ответил довольно просто:

– Ну, какие этапы? Младость, эпоха гражданской войны и последующие годы, когда хотелось писать и думалось, что без меня никто об этом не расскажет. Было такое наивное представление о писательском ремесле. Это больше всего и помнится. Затем пора зрелости. Это «Поднятая целина». Вот теперь – «Они сражались за Родину».

Самым дорогим для него был «Тихий Дон», конечно:

– И вот почему: я был молод, работалось с яростью, впечатления свежи были. И лучшие годы взросления были отданы ему. Ну, кроме этого все-таки работал над «Тихим Доном» с двадцать пятого по сороковой – пятнадцать лучших лет. Видимо, поэтому все это ближе и дороже...

Не могу не рассказать о курьезном таком эпизоде. Одного из героев, малозначачее лицо по кличке Валет, я похоронил и даже часовенку ему поставил с трогательной надписью: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата». Это друг Кошевого, Валет. И вдруг уже после войны появляется этот Валет, живой, здоровый, постаревший. Оказывается, я плохо проверил. Его не зарубили, не убили по дороге, а арестовали только. И он остался живой. Так бывает... *Балатьев С., Эстрин И.* Апрель. 1975 год. Лит. Россия. 23 мая.

В ответ на вопрос сотрудников телевидения, как он стал писателем, Шолохов сказал:

– Надо иметь в виду, что формировался я и отроческие годы мои прошли в разгар гражданской войны. Тема была на глазах, тема для рассказов, очерков. Трагедийная эпоха была. Требовалось писать, больно много было интересного, что властно требовало отражения.

Так создавались «Донские рассказы». Что касается «Тихого Дона», то это иное дело. Можно сказать, он рос из «Донских рассказов»... Отроческий взгляд – самый пытливый взгляд у человека. Все видит, все приметит, узнает, везде побывает. Мне легко было, когда касалось фактического материала. Трудности пришли потом, когда надо было писать и знать историю гражданской войны. Тут уже потребовалось сидение в архивах, изучение мемуарной литературы.

Причем не только нашей, но и эмигрантской, в частности очерков «Русской смуты» Деникина. Затем знакомство с казаками, участвовавшими в этой войне. Сама профессия моя до писателя – учитель, статистик, продовольственный работник – знакомила меня с огромным количеством людей. Разговоры, воспоминания участников – так слагался костяк. А бытовая сторона, она ведь тоже наблюдалась, потому что жил я в разных хуторах. Мне даже ничего не стоило, скажем, второстепенных героев назвать своими именами.

...Мне кажется, что писателям тех лет было значительно легче, чем нынешним писателям, потому что тогда все это ломилось в глаза, трагедийное, героическое. Сейчас писателю труднее найти героев – в буднях. Тогда подъем, война – все это был сгусток такой. Ну, каждому свое, каждой эпохе свой писатель. У каждого писателя есть трудности. И дело в том, как писать и как преодолеть эти трудности. Это дело опыта, таланта и умения... (Лит. Россия. 1975. 23 мая.)

Что же произошло и что происходит в России за эти десятилетия XX века, что происходит сейчас? То революция, то контрреволюция, то Хрущев со своими экспериментами, то Горбачев и Ельцин... Когда же Россия найдет свой единственный и неповторимый путь, предначертанный ей исторической судьбой? И когда эта «катавасия» началась и кто ее задумал? Расшатать, измельчить, просто задушить в своих железных объятиях...

Русская интеллигенция давно и мучительно ищет ответы на эти трагические вопросы... Не раз возникали острые дебаты в нашей текущей прессе по этим коренным вопросам нашего бытия...

Чаще всего обычно вспоминают Аллена Даллеса, весной 1945 года пообещавшего, что США всеми средствами будут стремиться уничтожить Россию как великую державу... «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокоренного на земле народа»... «Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого...» Слова Даллеса многократно цитировались, широко известны, некоторые критики подвергали их сомнению, считали их чуть ли не подлогом, но усилия их приспешников в России успешно осуществляются... Но Даллес и его последователи в России – лишь исполнители.

В романе Леонида Леонова «Скутаревский» есть любопытный эпизод. Скутаревский – это крупный ученый старой формации, директор института 20-х годов, который не приемлет новые методы руководства. А эти методы проникают повсюду: «с лихим доносным удалством миражили в газетах у высокого начальства»; «Уж они пролетарскую физику выдумали и под этим соусом Ньютона прорабатывают. Галилея на прошлой неделе так разносили, что и на суде ватиканском так его, поди, не чистили!», – формулирует свои наблюдения один из персонажей романа, кстати, не из самых положительных.

И вот в это время в институт назначают Николая Черимова, бывшего партизана, комиссара, заместителем Скутаревского. И вскоре ему представилась возможность выступить перед коллективом и определить новые задачи, стоящие перед учеными. «Черимов имел достаточно времени и материала для изучения среды, которую ему поручено было перепахивать» (рядка моя. – В. П.).

Перед Черимовым выступил один из старых ученых, стремившихся честно приспособиться к законам времени, но его представление о строящемся новом мире было наивным, он «прихрамывал на каждом политическом слове, слишком непривычном для области, в которой

он работал». «Горькое и целительное лекарство, которое применила в отношении себя Россия, все еще отвергается политической медициной Европы» – эту фразу Леонов вкладывает в уста ученого Ханшина, так наивно пытающегося приспособиться к новой обстановке.

Все ждали выступления Черимова, с приходом которого в институт связывали начало его разгрома и дисквалификации, начало падения Скутаревского. Но ничего подобного не произошло. Он завоевал доверие собравшихся, его выступление могло бы оказаться триумфальным, и собрание подходило к концу, когда произошел эпизод, который один мог рассеять весь черимовский успех. Среди поданных записок оказалась одна, без подписи, и Черимов, торопившийся закончить, с разбегу прочел ее вслух. Анонимный автор просил напомнить ему, где именно у Бебеля сказано, что для построения социализма прежде всего нужно найти страну, которой не жалко. Было так, точно выстрелили вдруг в Черимова из аллегорического букета, который подносили внезапные почитатели его большевистских талантов. С осунувшимся от неожиданности лицом... Черимов предложил анониму назвать себя» (разрядка моя. – В. П.). Но конечно, никто не сознался. Скутаревский, злой и сконфуженный, что этот эпизод «позорит всех нас», а Черимов, также осудив анонима за безграмотность, сказал, что «фраза эта... приведена у покойного ныне врага нашего Бисмарка». Скутаревский предложил найти по почерку автора этой записочки, но Черимов, сохранив на всякий случай записку, подытожил этот эпизод: «Просто злоба обывателей никогда не соответствует их грамотности».

Разве это так уж важно, кто сказал, что строить социализм нужно в той стране, какой не жалко? Главное в том, что эта мысль возникла много лет тому назад и зажгла сердца сотен и тысяч марксистов.

3

Прежде чем Россия применила в отношении себя «горькое и целительное лекарство», прошло много времени. Этот эксперимент тщательно готовился сначала теоретически, а потом практически.

К. Маркс и Ф. Энгельс тщательно изучали положение России в современном им мире, изучали историю, экономику, национальный характер. Маркс изучал русский язык, встречался с русскими революционерами, в библиотеке Маркса, как свидетельствуют биографы и историки, было 526 книг и брошюр, периодических изданий; Маркс и Энгельс написали своим русским корреспондентам 146 писем и 314 получили. Известны и слова Ф. Энгельса: «Я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутреннее и внешнее положение». Россия, по мнению основоположников марксизма, относится к тем странам, за которыми надо было «наиболее внимательно следить».

В разное время Маркс и Энгельс с восхищением говорили о русском языке как об одном «из самых сильных и богатых из живых языков», выделяли Добролюбова и Чернышевского, историческую и критическую школу в русской литературе, «которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и во Франции официальной исторической наукой». И вот вывод, по свидетельству одного из биографов Маркса: «...последние двенадцать лет жизни Маркса Россия фактически явилась основным объектом его интересов, его исследований».

И вот возникает главный вопрос: кто же первым произнес слова ненависти к России, к русским, ко всему славянскому миру, отнеся всех славян, кроме поляков, к реакционным нациям, подлежащим уничтожению. Приведу лишь несколько цитат из статей Маркса и Энгельса, на которые мы так долго не обращали внимания. Читаешь сегодня статьи «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм» и все переворачивается в душе от ярости, чувствуешь, какой ненавистью пропитаны строки, касающиеся славянских народов, особенно русских и России как государства, которое может объединить все славянские народы в Славянский Союз и своей мощью защитить его.

Революция 1848 года, по мнению Энгельса, разделила народы и нации на революционные и контрреволюционные. Раз нации революционные, то, значит, они сохранили жизнеспособность и должны жить; а нации контрреволюционные должны «в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции». С презрением Энгельс высказывается в отношении «абстрактных качеств славянства и так называемого славянского языка», «о почти кочевом варварстве хорватов» и «болгар», есть, конечно, и цивилизованные славяне, но лишь «благодаря немцам», а потому ни о каком единстве славянства не может быть и речи: «...из-за некультурности большинства этих народов эти диалекты (славянские языки. – В. П.) превратились в настоящий простонародный говор и, за немногими исключениями, всегда имели над собой в качестве литературного языка какой-нибудь чужой, неславянский язык. Таким образом, панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо русский кнут».

Уничжительно говорит Энгельс о южных славянах, которые поднялись на борьбу за восстановление своей национальной независимости. «Они – представители контрреволюции», потому что своими действиями способствовали подавлению немецко-венгерской революции. Но подражание революции «будет лишь временным». «Тогда на один момент славянская контрреволюция нахлынет на австрийскую монархию со всем своим варварством, и камарилья увидит, каковы ее союзники. Но при первом же победоносном восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой мстостью отплатят славянским варварам. Всеобщая война, которая

тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это будет прогрессом».

Энгельс сулит жестоко отомстить славянам: «... чехам, хорватам и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них».

Бакунин в то время призывал к справедливости, человечности, свободе, равенству, братству, независимости всех славянских народов...

«Мы не намерены делать этого, – решительно возражает Энгельс на эти призывы Бакунина. – На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии...»

Энгельс не может простить «революционному панславизму» этой приверженности «фантастической славянской национальности». И если это будет так, то марксисты-революционеры будут знать, что делать. «Тогда борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции». «Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор» – вот такие планы возникли у марксистов в отношении России и всего славянства.

В статье Николая Ульянова «Замолчанный Маркс» убедительно показано, что Маркс и Энгельс, постоянно возвращаясь в своих статьях к России и ее исторической роли в мире, всякий раз – или чаще всего – оценивали ее отрицательно. Приведя множество свидетельств, добавляющих к тому, что уже приводились здесь, Н. Ульянов делает вывод: «Приведенный букет высказываний интересен как психологический документ. Россия должна провалиться в Тартар либо быть раздробленной на множество осколков путем самоопределения ее национальностей. Против нее надо поднять европейскую войну либо, если это не выйдет, отгородить ее от Европы независимым польским государством. Эта политграмма стала важнейшим пунктом марксистского катехизиса, аттестатом на зрелость. Когда в 80 — 90-х годах начали возникать в различных странах марксистские партии по образцу германской социал-демократической партии, они получали помазание в Берлине не раньше, чем давали доказательства своей русофобии. Прошли через это и русские марксисты. Уже народовольцы считали нужным в целях снискания популярности и симпатии на Западе «знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации». Лицам, проживающим за границей, предписывалось выступать в этом духе на митингах, общественных собраниях, читать лекции о России и т. п. А потом в программах наших крупнейших партий, эсдеков и эсеров появился пункт о необходимости свержения самодержавия в интересах международной революции... За несколько последних десятилетий корабль марксизма подвергся жестокому обстрелу и зияет пробоинами; самые заветные его скрижали ставятся одна за другой, на полку с сочинениями утопистов. Позорная же шовинистическая страница, о которой идет речь в этой статье, все еще остается неведомой подавляющему числу последователей и противников Маркса...» – так писал русский эмигрант Н. Ульянов.

Леонид Леонов писал роман «Скутаревский» как раз в то время, когда хлынул целый книжный поток воспоминаний старых марксистов-революционеров, которые захлеб и откровенно рассказывали, как им удалось расшатать Россию и совершить революцию, как они постоянно бывали на Западе в постоянных контактах с марксистами, консультировались с деятелями

Интернационала, другими политическими партиями Запада. А потом возвращались и вели свою разрушительную работу в Россию. С. Лион («От пропаганды к террору»), Вл. Дебагорий-Мокриевич («От бунтарства к терроризму»), В. Дмитриева («Так было»), И. Белоконский («Дань времени»), Лев Дейч («За полвека»), Н. Бух («Воспоминания»), Феликс Кон («Сорок лет под знаменем революции»), Л. Меньшиков («Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России») – эти и многие другие авторы дали обширный материал для истинного понимания тех обстоятельств, которые привели к событиям 1905 года, к Февральской революции и Октябрьскому перевороту, а те, в свою очередь, завершились трагической ломкой политической и государственной жизни в России, гражданской войной и мрачным экспериментом построения социализма длиной в десятки лет.

От пропаганды – к террору, от бунтарства – к терроризму, от пропаганды – к насилию – вот идеи марксизма, по-своему воплощенные в жизнь эсерами и большевиками, которые имели страшные последствия. Ведь Бухарин прямо писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью – вот эта формула практически и осуществлялась в 20 —30-х годах, когда Леонид Леонов работал над романом, пророчески предвидя крах этого эксперимента в стране, которую не жалко.

А результаты теоретически обоснованной русофобии неожиданно для марксистов дали быстрые всходы. В своей книге С. Лион рассказывает, как он еще в конце 70-х годов XIX века, разочаровавшись в результатах бесплодного «хождения в народ», в средствах мирной пропаганды пришел, как и другие революционеры, к выводу: нужны более «практические, реальные пути революционной борьба», нужно «начать борьбу с этим строем с оружием в руках». «Всколыхнуть эти забитые вековым гнетом неподвижные массы от непробудного сна и рабства можно только пропагандой действий, активным террором, который в то же время покажет им, что правительство, охраняющее «существующий строй», вовсе не так уж сильно, и тем самым зажжет революционный дух, таящийся и тлеющий в недрах народных масс...»

С этой целью С. Лион внедрился в рабочие массы, завязал с ними близкие отношения, рассказывая о рабочем движении на Западе, о Лассале, о восстаниях в Европе, о Парижской коммуне. «В самой, конечно, популярной форме я знакомил их с сущностью учения Карла Маркса... В то время учение Карла Маркса только что стало восходить на русском горизонте...»

И сколько таких Лионов внедрилось в рабочие массы... И как жуки-короеды, обгрызая кору, губят все дерево, так и Лионы и ему подобные начали точить изнутри Россию.

И уже 2 октября 1903 года А.С. Суворин, один из самых проникательных людей своего времени, записал в своем дневнике: «Мне кажется, что не только я разваливаюсь, не только «Новое время» разваливается, но разваливается Россия. Витте ее истощил своей дерзостью финансовых реформ и налогами». «Почему зашаталась Россия?» – так назвал свою книгу, выпущенную в 1910 году в Петербурге, известный в то время журналист и общественный деятель Гарт.

Зашаталась, разваливается Россия... Суворин обвиняет в этом Витте. Гарт, думается мне, дает более глубокий анализ тогдашнего положения России, после событий 1905 года. Читаешь его книгу и чувствуешь, как высказанное много десятилетий тому назад почти в точности характеризует то, что происходит сейчас. «Это, конечно, не Россия зашаталась, а ее левые или правые. Если автор левый, то станет доказывать, что Россию расшатало поражение левых, если он правый, то, грозя всеобщей гибелью, потребует, чтобы дали наконец настоящего ходу правым... Я не левый и не правый, даже не серединный, а совершенно в не текущей, партийной политики. Я апеллировал к честному, разумному патриотизму, к правильно понятым

общеклассовым экономическим интересам и призывал к единению, дружной мирной работе для блага России и нации...» (разрядка моя. – В. П.)

Вот позиция русского литератора: честный, разумный патриотизм. Только он и может объединить людей, раздираемых различными сиюминутными противоречиями – национальными, политическими, социальными. «А все мы знаем и чувствуем, что ослабла Россия, что заедает ее какой-то внутренний недуг, – читаем далее у Гарта. – Что же это такое с нами? Откуда эта зловещая жуть, это общее убеждение в нашем ослаблении?» Почему, спрашивает он, Россия заключила мирный договор с Японией? Ведь наша страна была и лучше вооружена, и армия была многочисленнее, и солдаты и офицеры показывали примеры беззаветной храбрости и мужества... Начавшаяся внутренняя смута, отвечает, обнажила слабость власти, перед лицом крепко спаянного врага оказалась «рыхлая людская куча», не было сплоченного мощного целого. «Явно ослабело влияние тех исконных идей, которые в данном государстве отдельную личность сознательно и самоотверженно подчинят свой интерес интересу государственному. Те духовные нити, на которых худо ли, хорошо ли, а держалась столько веков русская государственность, еще 100 лет тому назад отразившая самого Наполеона, рухнули в 1905 году безвозвратно, вконец подточенные изменившимися условиями жизни» – к такому выводу приходили самые проникательные мыслители уже накануне Первой мировой войны. Почти сто лет тому назад внимательные наблюдатели заметили, что ослабление государственных связей в обществе мгновенно порождает воровство, почти открытый грабеж нажитых общенародных богатств. Расшатывая скрепы государства, предприимчивые дельцы создали для себя «великолепную оказию для быстрой и обильной наживы». Под влиянием демагогических идей возникла полная анархия между городом и деревней, пробудились стихийные инстинкты, групповые и индивидуальные, до того крепко связанные общей государственной идеей, общими целями защиты и укрепления своего Отечества.

Россия зашаталась потому, что возникшее в 60—80-х годах XIX века движение нигилистов, народовольцев, марксистов подрывало не столько политическую самодержавную форму существования России, сколько разрушало ту вековую государственную и национальную мораль, традиционную православную мораль, которая объединяла русских и помогала русскому народу выстоять в самые критические периоды своей истории. Вместо исконных нравственных устоев русскому народу навязывалась марксистская революционная мораль, которая лишь способствовала разрушению человеческого в человеке, утверждая, что для победы пролетарской революции все средства хороши, утверждая таким образом этику «революционной целесообразности», в сущности, этику вседозволенности, оправдывающей любые негодяйства и жестокости, совершаемые под маскарадным прикрытием «гуманности» и «прогресса». И эта псевдогуманная фразеология на первых порах затуманила головы миллионов простых людей, поверивших возвышенной цели – построению социализма в России.

Ради этого марксисты не жалели своих сил, направляя своих единомышленников в России и радуясь всякий раз тогда, когда положение в России хоть как-то осложнялось. «...Маркс и Энгельс, – писал Ленин, – были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее всемирное значение». Великие богоборцы надеялись, что Россия не выдержит трудностей русско-турецкой войны 1877–1878 годов – грянет революция. Они прямо-таки, как малые дети, радовались такой возможности. «...Буча выйдет отменная, – писал Маркс своему Ф. Зорге 27 сентября 1877 года. – И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!» И родоначальник «научного коммунизма» делал все для приближения этой «бучи». И весьма благоволил к тем русским революционерам, которые, по словам Ленина, пытались перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» – Интернационал (ПСС. Т. I. С. 287). Русские «перестройщики» в свою очередь благодарили Маркса – за «ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой...».

Почти полвека кряду бросали в русскую почву марксистские семена, и наконец они дали ядовитые всходы – это и события 1905-го, 1917 годов, это и полыхнувшая красным и белым террором гражданская война, это и коллективизация, и новая война, и послевоенная разруха, и идеологический деспотизм...

Ни Англия, ни Франция, ни Германия не пострадали от марксизма. Преданные ученики Маркса и Энгельса выбрали для практического воплощения их идей, для эксперимента, Россию, самую ненавистную для них страну, страну, которую, по их убеждению, не было жалко разрушить, и мы воочию видим результаты революционной их деятельности. Мы знаем, с какой варварской последовательностью и беспощадностью Ленин, Троцкий, Бухарин, Свердлов, Каменев, Зиновьев, Калинин, Скрябин и многие их приспешники внедряли марксизма в российскую действительность. Вот почему, вновь и вновь возвращаясь к Октябрьскому перевороту и его последствиям, вглядываясь внимательно и непредвзято в фигуры участников тех событий, изучая их биографии, их книги, современные исследователи все чаще приходят к выводу: именно русофобия, ненависть к России как могучему оплоту, противостоящему р-р-революционным идеям, была одной из причин особого внимания марксистов к этой огромной стране, одной из причин их столь яростных деяний на территории России.

Истребительная война и безудержный террор, провозглашенные Энгельсом больше века тому назад, продолжают против России, облеченные в иные формы и обличья. Но суть – все та же: потомки «бесов», по Достоевскому, которые хлынули в Россию много лет тому назад, получая от Первого интернационала моральную и материальную поддержку, продолжают тот революционный эксперимент по разрушению России, который впервые был спланирован Марксом и Энгельсом. Конечно, на этом этапе вместо Первого интернационала действуют иные структуры и организации – НАТО, МВФ и т. п., но суть остается: разрушить Россию, сделать ее покорной данницей, не способной противостоять новому миропорядку, который усиленно насаждается в мире США и зависимыми от них государствами.

Еще М. Горький в своих «Несвоевременных мыслях», публиковавшихся в виде цикла статей в газете «Новая жизнь» с апреля 1917-го по июнь 1918 года, когда газета были закрыта, остро полемизировал с лидерами пролетарской революции, провозглашавшими апологию государства и ничтожно малую ценность человеческой личности, призывал свободную прессу «развивать в себе чувство уважения и личности», напоминал, что «счастье свободы не должно быть омрачено преступлениями против личности, иначе – мы уьем свободу своими же руками». Горький резко осуждал «фантазеров из Смольного», которые, по его мнению, относились к России как к «материалу для опыта», предрекал провал этого «жестокое и заранее обреченного на неудачу опыта». 17/30 января 1918 года, уже после разгона Учредительного собрания, Горький писал, как «матрос Железняков, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей».

Леонид Леонов, один из умнейших и образованнейших людей своего времени, постоянно думал об этом эксперименте, который навязали России западные марксисты, видел положительные стороны новой жизни, глубоко и точно проникал в суть отрицательных явлений.

4

С приближением к СТОЛЕТНЕМУ юбилею имя Шолохова вновь и по праву становится в центре литературного движения, издательства издают книги о Шолохове, планируют издание Собрания сочинений, а «Терра-Книжный клуб», опередив всех конкурентов, издал собрание сочинений в 9 томах. Министерство образования, финансируя «Школьную библиотеку», в числе других классических шедевров издало и «Донские рассказы», и «Тихий Дон», и «Поднятую целину», используя результаты научной подготовки текстов, достигнутые русскими учеными в последние годы.

В марте – апреле МГОПУ имени М.А. Шолохова проводит Всероссийскую студенческую конференцию в Вешенской и Уфе, очередную Всероссийскую шолоховскую конференцию в Москве. На конференциях была представлена вся Россия – Казань, Самара, Ростов-на-Дону, Москва, Тамбов, Воронеж, Таганрог, Рязань, Барнаул, Челябинск, Тверь, Ярославль, Липецк, Елец и др. Студенты, доценты, профессора, писатели высказывали немало свежих, интересных наблюдений и мыслей о творчестве Шолохова, его месте в контексте всей русской и мировой литературы

XX века. Литературоведы, лингвисты, методисты совершенно уверены в том, что и в XXI веке Шолохов будет пользоваться такой же популярностью, как и в XX.

Все это радует, вселяет надежду на то, что Россия, несмотря на свое плачевное экономическое положение, искусственно созданное отечественными и зарубежными махинаторами, полностью и по заслугам воздаст честь своему художественному национальному гению. Но много еще нерешенных вопросов и задач, а времени для их решения осталось не так уж много. И чаще всего эти задачи и вопросы возникают из-за несостоятельности чиновников-руководителей академической науки.

Две главные и основные задачи как стояли, так и стоят перед отечественными литературоведами: научное издание произведений М.А. Шолохова и создание его научной биографии.

В Институте мировой литературы имени А.М. Горького десять лет тому назад начали подготовку научного издания «Тихого Дона», в 1995 году Шолоховская группа подготовила и выпустила в свет в Военном издательстве **ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ТЕКСТА** (есть такой термин в текстологии) – издание романа 1941 года, зная о том, что именно это издание, как и все довоенные, Шолохов особенно тщательно готовил к публикации.

За годы исследовательской работы научные сотрудники ИМЛИ пришли к выводу, что ни одно издание «Тихого Дона» не может быть признано каноническим. И наша задача заключалась в том, чтобы, исследуя все печатные источники, в полном объеме выявить творческую волю автора, которому за пятнадцать лет работы над романом пришлось преодолевать разного рода препятствия, в особенности негативный напор «вождей» РАППа. Участие Серафимовича, Горького, Сталина помогло Шолохову в 1941 году издать все четыре книги романа в одном томе с наименьшими потерями.

В изданиях романа в 20 —30-х годах не было самоуправства редакторов, конъюнктурной правки, цензурного вмешательства. Но незаметно и для самого автора в издание романа вкрапливались неточности, которые от издания к изданию накапливались то ли по недосмотру редакторов, то ли по неграмотности корректоров. К сожалению, и в романе издания 1941 года были обнаружены неточности и ошибки, замеченные в ходе текстологического анализа всех публикаций романа, имевших принципиальное значение для выявления авторской воли. Все эти неточности, опечатки и ошибки были устранены на основании текстологического анализа последующих изданий романа, в которых принимал участие и автор.

В статье «Каким должно быть академическое собрание сочинений А.М. Шолохова» Герман Ермолаев, американский ученый русского происхождения, обратил внимание на наше

издание «Тихого Дона»: «В 1990-е годы в России вышло два издания «Тихого Дона» с более полным текстом, чем стандартные советские публикации романа, начиная с 1956 года. Первое из новых изданий под общей редакцией В.В. Петелина выпущено московским Воениздатом в 1995 году, а второе под редакцией В.Я. Котовского вышло в 1998 году в ростовском издательстве «Феникс». Текст московского издания полнее ростовского, так как оно представляет собой перепечатку издания 1941 года с восстановлением нескольких исключенных в том же году или ранее мест. В основу ростовского издания положен текст 1956 года с восстановлением ряда отрывков, выкинутых из романов в разные годы <...> Однако ни в московском, ни в ростовском изданиях «Тихого Дона» не восстановлено большинство ранних и самых обширных изъятий». И тут же предлагает восстановить главу из пятой части о Бунчуке и Анне, которую выбросил сам Шолохов без всякого давления с чьей-либо стороны. Не буду конкретизировать полемику с Г. Ермолаевым по поводу издания «Тихого Дона», скажу лишь одно: Шолоховская группа ИМЛИ накопила громадный опыт текстологической работы и собрала материалы для дальнейшей продуктивной исследовательской работы. Но с 1996 года Шолоховская группа прекратила свое существование: просто некоторым сотрудникам не продлили контракт, а меня как руководителя ее заставили заниматься другими вопросами, нужными, возможно, и полезными, но другими.

Почему?

В начале 1995 года в Шолоховской группе решили широко отметить 90-летие М.А. Шолохова, не раз на своих заседаниях обсуждали вопрос, как это сделать. Живые картины самодурства Ельцина и его команды, отдавших приказание стрелять по Белому дому, в котором заседал законно избранный народом парламент, у всех еще были в памяти, как и имена сидевших в Лефортовской тюрьме народных избранников. И мы обратились к ученым, писателям, депутатам, издателям, генералам с просьбой принять участие в празднике, посвященном юбилею великого русского писателя и выдающегося общественного деятеля Михаила Александровича Шолохова.

Руководство ИМЛИ не принимало участия в подготовке юбилея или делало вид, что ничего не знает о предстоящем событии. В то время шолоховская тема не пользовалась вниманием у руководства ИМЛИ. Все делали, как говорится, на свой страх и риск.

Тема конференции: «Шолохов – великий писатель XX века». Приглашены были все, кто хоть что-то мог сказать о Шолохове, и в итоге конференция получилась очень интересной в научном отношении: выступили Гейр Хьетсо, известный ученый из Норвегии, аспирант из Китая, Лев Колодный, Валентин Осипов, Михаил Лобанов, Виктор Чалмаев, ученые из Киева, Минска, из многих городов России, два дня длилась напряженная дискуссия...

Казалось бы, все нормально, честь и хвала ИМЛИ за организацию такой конференции. Но в ИМЛИ были очень раздосадованы и опечалены...

А все потому, как оказалось, что открытие конференции выглядело как откровенная демонстрация оппозиции установившемуся диктаторскому режиму Ельцина и его приспешников. В конференции приняли участие представители казачьих войск, офицеры, депутаты, курсанты. В переполненном конференц-зале стоял тревожный гул от возбужденных голосов, открытие конференции затягивалось: с трудом мне удалось уговорить заместителя директора ИМЛИ открыть конференцию, но его все не было. Генерал Валентин Варенников, недавно отсидевший в Лефортовской тюрьме за протест против государственного переворота, учиненного Ельциным, нетерпеливо поглядывал на часы и на меня как председателя конференции. И я, открыв конференцию и высказав свое отношение к любимому писателю, тут же предоставил слово генералу.

В яркой, образной, талантливой речи Валентин Варенников говорил о Шолохове не только как о талантливом художнике, своими образами поразившем и обогатившем весь мир, но и как о гражданине, патриоте и коммунисте, который непременно осудил бы те бесчин-

ства, те беззакония, которые происходили в то время. Затем не менее ярко выступили председатели Краснодарского и Ростовского законодательных собраний, потом очень популярный в то время генерал Стерлигов... Словом, отбрасывая подробности, скажу лишь, что в первый же час нашей конференции прозвучал гимн Шолохову как художнику, гражданину, патриоту. Через полчаса после начала конференции в зале появился замдиректора ИМЛИ и тихо сел в президиуме. Доклады и сообщения по конкретным темам творчества Шолохова были выдержаны в традиционном академическом духе.

На следующий день после конференции один из сотрудников нашего отдела, либерал-демократ по своему духу, подал заявление об уходе из ИМЛИ в знак протеста против того, что, дескать, происходит в ИМЛИ. Но руководство сделало вид, что ничего особого не произошло.

Осенью мы издали «Тихий Дон» в Воениздате и сборник «Шолохов на изломе времени», а в январе 1996 года Шолоховская группа прекратила свое существование. Так «аукнулась» Конференция.

Не раз я писал директору ИМЛИ, что он совершил административную ошибку, распуская Шолоховскую группу и изымая шолоховскую тему из планов ИМЛИ, но он был неумолим, предложив, правда, обратиться в РГНФ с просьбой о гранте на эту тему. Почему в ИМЛИ нельзя, а по гранту РГНФ можно? – этот вопрос по-прежнему остается без ответа...

Круто изменилось отношение к Шолохову в ИМЛИ после того, как удалось выкупить у родственников В.М. Кудашева черновики и беловики рукописи первых двух томов «Тихого Дона», которые Шолохов оставил у друга еще в 1929 году, когда отпала в них надобность: роман опубликован в журнале «Октябрь», в «Московском рабочем» выходит одно издание за другим, а комиссия, просмотрев рукописи и опубликованный роман, полностью убедилась в авторстве Шолохова и известила об этом советскую общественность.

Была создана новая Шолоховская группа во главе с Феликсом Кузнецовым, директором ИМЛИ, о первых результатах ее работы можно судить по его публикациям.

Недавно в «Литературной газете» была опубликована статья Феликса Кузнецова «Творческая история «Тихого Дона». К спорам об авторстве романа». Возможно, статья не обратила бы на себя внимания, настолько мало в ней свежего материала и собственных наблюдений; но в основе этой статьи «положен доклад на научной сессии отделения историко-филологических наук РАН 17.12.2002 г.». К тому же представил этот доклад член-корреспондент РАН и директор ИМЛИ имени А.М. Горького. А это уже обязывает отнестись к публикации серьезно.

Статья-доклад начинается вызывающе: «Тихий Дон» – великая книга русской литературы XX столетия, наиболее полно и зримо выразившая величие и трагедию исторического пути нашего народа в минувшем веке. Между тем творческая история романа «Тихий Дон» в филологической науке раскрыта крайне поверхностно, что дает основания для различного рода спекуляций вокруг авторства романа...» (Литературная газета. 2003. 29 января – 4 февраля. Разрядка моя. – В. П.).

Здесь высказано сразу две неправды... издавна творческая история «Тихого Дона» интересовала критиков, литературоведов, историков – всех, кто занимался творчеством Шолохова; она тщательно изучена, опубликованы статьи, монографии. Давным-давно были известны слова Шолохова о том, что одним из прототипов Григория Мелехова был Харлампий Ермаков. «Жил на Дону один казак», – признался Шолохов журналисту (Известия. 1937. 31 декабря). Но у реального лица он взял лишь «служивскую биографию», некоторые эпизоды его жизни, рассказанные им самим. И письмо Шолохова Ермакову, извлеченное К. Приимой из Ростовского архива, давно известно. Еще пятьдесят лет тому назад Шолохов расспрашивал о Ермакове и Мелехове, а потом сам тщательно изучал характер Харлампия Ермакова, расспрашивал старожилов, краеведов, дочь Ермакова и результаты своих исследований опубликовал в ста-

тьях и книгах. Здесь коротко лишь скажу: Харламий Ермаков и Григорий Мелехов – образы абсолютно разной глубины и психологической наполненности.

И об этом десятки лет тому назад высказал свои глубокие суждения краевед Лосев, подводя итоги разговора с Приимой:

«– Как видишь, кое-что из биографии Ермакова совпадает с контурами судьбы Григория Мелехова... Но не очень многое! К примеру, той личной драмы, что была у Григория в «Тихом Доне», у Харлампия не было, не знал он ее, не ведал. Не было у Харлампия распрей ни с родным отцом, ни с приемным. Не бросал он родной дом, не уходил батрачить к пану. Не было у Харлампия ни Натальи, ни Аксины, хотя душенька – сестра милосердия – имелась. Не было и того, что великий художник вдохнул в душу Григория – страсти, неистовости, личного обаяния, мучительного поиска правды <...>

– Скажите, а не было ли такого случая в жизни Ермакова, чтобы он в Вешках выпустил из тюрьмы около ста арестованных красных? Шолохов в третьей книге романа рассказывает нам такое событие в жизни Григория Мелехова...

– С Ермаковым такого случая не было и быть не могло, – сказал Лосев. – Он скорее всего расстрелял бы их!»

Рядом с Григорием Мелеховым действует и реальный Харламий Ермаков – «бесшабашный рубака, любящий выпить, не особенно задумывающийся над жизнью». Таким запомнили Харлампия Ермакова знавшие его, таким он и предстал на страницах книги (*Приима К. С веком наравне. Ростов-на-Дону, 1981. С. 60–69*).

Таким предстает Харламий Ермаков и на страницах «Тихого Дона». Шолохов глазами Григория Мелехова восхищается отвагой и мужеством бесстрашного казачьего командира, «базковского хорунжего Ермакова Харлампия», подчеркивает, что Харламий Ермаков – «тоже рубака не из последних»: «Ермаков как-то особенно ловко, почти не касаясь луки и гривы, вскинул в седло свое худощавое железное тело»; «Григорий провожал глазами бесстрашно скакавшего под выстрелами Ермакова, с тревогой думая: «И чего его черт понес напрямки? Скосят пулеметом! Спустился бы в лощину!» И облегченно вздохнул, когда увидел, что Ермаков догадался «нырнуть в лощину».

И одновременно с этим Шолохов показывает Ермакова человеком простоватым по своему характеру и образу жизни, он человек своей казачьей среды, мало задумывается о последствиях своих поступков. Так, например, Ермаков выдавил «локтем оконный глазок, с силой распахнул окно», как только услышал просьбу Григория Мелехова открыть «хучь одно окошко, что вы запечатались». «– Вот это по-хозяйски! На что же ты стекло выдавил? – с неудовольствием сказал Копылов...» Или вот эпизод: «– Гулять хочу! – рычал Ермаков и все норовил попробовать шашкой крепость оконных рам.

Григорий, любивший Ермакова за исключительную храбрость и казачью лихость, удерживал его, постукивая по столу медной кружкой:

– Харламий, не дури!»

И тот же Григорий Мелехов гневно осуждает Ермакова за то, что он разрешил казакам раздеть пленных красноармейцев.

«– Твоя работа? – Григорий плетью указал на красноармейцев. Ермаков сделал вид, будто впервые увидел пленных, и разыграл неопишное удивление:

– Вот сукины сыны! Ах, проклятые! Раздели! Да когда же это они успели?.. Скажи на милость! Только что отъехал, строго-настрого приказал не трогать, и вот тебе, растелешили бедных дочиста!..»

Эпизод заканчивается миром: «Григорий невольно улыбнулся, – перегнувшись на седле, схватил Ермакова за ремень портупей. Он любил этого лихого, отчаянно храброго командира».

По-своему моральному кодексу Харламий Ермаков не выделяется из казачьей массы, а отчаянно храбрых среди казаков было много.

Характерен в этом отношении разговор Приймы с ординарцем Ермакова Яковом Федоровичем Пятаковым, рассказавшим о том, как сотня Ермакова прискакала в хутор Пономарев, где учинили суд и расправу над Подтелковым и его отрядом:

«— Когда мы верхи мчались в Пономарев, мой командир Ермаков и подумать не мог, что там будет такое смертоубийство... Он более всего опасался, что в хуторе по случаю пасхи и в знак примирения подтелковцы и спиридоновцы-беляки разопьют весь самогон и нам ничего не останется...» (там же. Разрядка моя. – В. П.).

«Как видишь, дистанция между Григорием Мелеховым и Харлампием Ермаковым колоссальна» – таков вывод краеведа Лосева. И анализ эпизодов «Тихого Дона», в которых действует Харлампий Ермаков, только подтверждает эту неумолимую характеристику одного из прототипов Григория Мелехова.

Десятки, сотни полновесных страниц о творческой истории «Тихого Дона» есть в книгах В.В. Гуры «Как создавался «Тихий Дон». Творческая история романа М.А. Шолохова» (изданная в «Советском писателе» в 1980-м и 1989 годах), С.Н. Семанова «Тихий Дон» – литература и история» (Современник, 1982), Г.Я. Сиволова «Тихий Дон»: рассказы о прототипах» (Ростов-на-Дону, 1991) и «Михаил Шолохов. Страницы биографии» (Ростов-на-Дону, 1995), Ф.Г. Бирюкова «Художественные открытия Михаила Шолохова» (Современник, 1976), наконец, в книгах последних лет Льва Колодного, Валентина Осипова, Николая Федя, Владимира Васильева, в десятках статей и других материалов в сборниках «Шолоховские чтения», выходявших в свет в Москве и Ростове-на-Дону, и др.

Что же нового по сравнению со своими предшественниками предлагает нам автор научного доклада и статьи на тему «Творческая история «Тихого Дона»?

Феликс Кузнецов пытается доказать, что обстоятельства Вешенского восстания «и его главные действующие лица не выдуманы автором», что «Тихий Дон» являет собой, по сути дела, документальную историческую хронику». Более того, получив «дело» Ермакова из Ростовского ФСБ, Феликс Кузнецов утверждает, что Харлампий Ермаков был не только главным прототипом Мелехова, «но и своего рода его «соавтором». Именно Харлампий Ермаков был главным источником информации о Вешенском восстании – и не только о нем – для автора «Тихого Дона». И уж совсем поразительный вывод делает критик после изучения «дела» Ермакова: «Х арлампий Ермаков обладал уникальной памятью, был прекрасным рассказчиком, крупным, масштабным человеком» (разрядка моя. – В. П.).

«Становится понятным, почему в рукописи, в первой редакции «Тихого Дона», относящейся к осени 1925 года, главный герой романа поначалу не Григорий Мелехов, а Абрам Ермаков, наделенный тем же обликом, что позже и Григорий Мелехов: а точнее – обликом Харлампия Ермакова, у которого, как и у Григория Мелехова, была бабка-турчанка» – вот читаю это рассуждение и не перестаю удивляться простодушию члена-корреспондента РАН.

Потому и оставил писатель незаконченным начатый в 1925 году роман, что за год изменился первоначальный замысел произведения, о чем тысячу раз говорилось в статьях и монографиях о Шолохове, как не раз говорилось и о том, что Шолоховых по-уличному называли «татарчуки», значит, в их жилах тоже текла восточная кровь. Так что Григория Мелехова не так уж обязательно было наделять «обликом Харлампия Ермакова»: в родственниках Шолохова было немало красавцев с восточной кровью. Надо только разыскать еще одного из прототипов...

Интересны в связи с этим воспоминания В. Светозарова, одного из товарищей Шолохова того времени: «Увидали Шолохова около дверей подъезда при входе в дом, где живет Василий Кудашев. А рядом с ним выше его на полголовы горбоносый парень в черной суконной тужурке.

Спрашиваю Шолохова потихоньку:

– Кто это? Не с него ли ты писал Григория Мелехова?

– Нет, – отвечает Шолохов. – Просто родственник. Я взял его с собой, он ни разу Москву не видел!» (*Светозаров В. Встречи с Шолоховым. – Призыв (Владимир). 1956. 6 июня.*)

Отсюда и вытекает очередной вопрос: кто из родственников писателя был похож на Григория Мелехова?

И еще об одном родственнике хочется здесь сказать как о возможном источнике, откуда Шолохов мог почерпнуть сведения о Гражданской войне, о Первой мировой войне, о судьбах таких, как Григорий Мелехов, и других персонажах «Тихого Дона». В письме жене Марии Петровне Шолохов рассказывает о счастливой встрече с двоюродным братом Александром Ивановичем Сергиным: «К моему счастью, из Феодосии (Крым) в Михайловку приехал гостить мой двоюродный брат (родной брат Ванюшки Сергина) Александр, с которым я связан целой сетью воспоминаний с самого раннего детства. Ведь он был моим «дядькой», не в смысле родства, а в воспитании. Так что эти дни мы с ним провели не скучно. Его я не видал 9 лет, он служил в Добровольческой армии, одно время мы считали его пропавшим без вести, и вдруг, представь мое изумление, когда я увидел его с женой-гречанкой и девчушкой 2-х лет...» Это из письма от 13 августа 1926 года. Нетрудно догадаться, о чем расспрашивал Шолохов Александра Сергина, разведчика в Первую мировую войну, получившего полный бант георгиевских крестов и медалей, а в Гражданскую воевавшего в составе Добровольческой армии...

27 января 1946 года в газете «Большевистский Дон» была опубликована биографическая заметка Александра Сергина «Шолохова с детства люблю». Оказывается, Александр Сергии жил в Вешенской, но почему-то никому и в голову не пришло, что и он, его судьба, его рассказы могли послужить Шолохову одним из источников романа. Может быть, что-то еще и приоткроется в творческой истории «Тихого Дона», во всяком случае, личность Александра Сергина примечательная: в то время кресты так не давали.

Феликс Кузнецов пошел по ошибочному, неверному пути упрощения сложнейших творческих вопросов: нигде Шолохов не свидетельствует, как утверждает публицист, что «Харлампий Ермаков был главным прототипом Григория Мелехова», тем более своего рода «соавтором».

По схеме критика-публициста получается очень просто: талантливый, крупный, масштабный человек, обладая уникальной памятью, прекрасно рассказывает, а Шолохов, тоже с гениальной памятью, талантливо описывает эту незаурядную личность. И получается великий художественный образ – образ Григория Мелехова. Нет! Более прав краевед Лосев, на которого я уже здесь ссылался: дистанция между ними «колоссальная», а то, что «многие события и люди, изображенные в «Тихом Доне», биографически связаны с Шолоховым, как утверждает Ф. Кузнецов, словно открывая нечто новое, давным-давно сказано замечательными учеными-шолохововедами, в том числе и краеведом Лосевым: «Я все говорю к тому, чтобы приоткрыть самое главное: «Тихий Дон» мог быть написан только в Вешках! Всмотрись и вдумайся, как глубоко он врос в землю вешенскую – в наши Базки и в хутор Плешаков, где жил и работал отец Михаила Александровича, где ставил на ноги Советскую власть коммунист, машинист мельницы Иван Сердинов – Шолохов в своем романе назвал его Котляровым. <... > Чтобы написать «Тихий Дон», все это надо было знать из жизни, изучить по документам, досконально выверить, перелопатить горы материалов в архивах, выслушать сотни – а может, и тысячи! – человеческих исповедей, вдохнуть в человеческие образы, каждый из коих стал самобытен, неповторим и незабываем. Чтобы все это сделать, надо было также родиться на вешенской земле и к тому же родиться Шолоховым!» Статья-очерк так и называется: «У истоков «Тихого Дона» (см.: *Прийма К. С веком наравне. С. 64.*)

Главным «прототипом» Григория Мелехова был сам Михаил Шолохов. И наиболее проницательные читатели «Тихого Дона» еще в самом начале появления романа отмечали, что Шолохов наделил Григория Мелехова чертами своего характера. «Невольно, смотря на М.А., думалось, нет ли некоторых автобиографических черточек в Григории и его сомнениях, иска-

ниях и шатаниях» – это писала Е. Левицкая в августе 1930 года. А несколько лет спустя, в 1936 году, Александр Фадеев в письме Петру Павленко писал: «Шолохов всаживает в своих Григорьев и Аксиный свой характер, и казаки признают его, характер Шолохова, своим характером» (Фадеев А.А. Соч. в 7 т. Т. 7. С. 110).

И еще несколько удивительных новостей мы узнаем из статьи Феликса Кузнецова: оказывается, «шолоховедение долгое время считало Павла Кудинова вымышленным персонажем». Но стоит открыть все эту же книгу К. Приймы, как найдем в ней статью «Павел Кудинов – хорунжий из Вешек», судьбой которого исследователь заинтересовался еще в далекие 50-е годы прошлого века.

Увлечшись полемикой с «антишолоховедами», Ф. Кузнецов невольно сошел с большака литературоведения на какую-то мелкую обочину. А зря – это ложный путь, куда недруги Шолохова и пытаются нас всех заманить. Понятно, что Феликс Кузнецов недавно взялся за эту гигантскую тему, можно сказать, что он новобранец в полку шолоховедов, но радуется, что этот полк пополняется талантливыми публицистами и выдающимися организаторами литературного дела.

Предлагаемый сборник составлен как ЖИЗНЕОПИСАНИЕ, и материалы преимущественно расположены так, чтобы читатели могли проследить основные вехи в жизненном и творческом пути М.А. Шолохова, понять его настроение в тот или иной период своей жизни, его творческие замыслы и их осуществление, увидеть его встречи и выступления, интервью, его участие в заседании Политбюро ВКПб, когда решалась его судьба, быть или не быть, посмотреть на него во время охоты и рыбной ловли, во время его поездок за границу, дома, за рабочим столом, дома в кругу семьи... И таким образом – воссоздать живой характер Михаила Александровича Шолохова, человека, писателя, общественного деятеля, передать многогранность его художественных и человеческих интересов.

Все эти материалы, воспоминания, интервью, письма, дневниковые записи, статьи, фотографии составляют как бы «кусочки» мозаичного полотна, воссоздающие «образ через документ» (П. Палиевский).

Сам М. Шолохов был скуп в разговорах о себе, о своем прошлом, пережитом, о своих родителях, о корнях вообще, горько сожалел, что в свое время не расспросил родителей, родных и близких о том, что они помнят о своем прошлом, о прошлом отчичей и дедичей. Но биографы, исследователи многое восстановили в его биографии, а кое-что существенное все еще остается непроясненным, что давало и дает «пищу» для возникновения различных мифов, легенд и прочего суесловия.

Представленного здесь материала, надеюсь, вполне достаточно, чтобы показать М.А. Шолохова как живого человека и писателя, страстного, отважного, думающего, увлекающегося, страдающего, вобравшего в себя все боли и муки человеческие и оставшегося своими произведениями и поступками в памяти всех народов мира великим правдоискателем и человеком-любом.

В издательстве «Правда» в разные годы выходили сборники воспоминаний о Шолохове (Шолохов. Правда, 1966; «Слово о Шолохове», Правда, 1973). В этих прижизненных воспоминаниях материалы были расположены так, что сразу подчеркивалось место и значение в писательской иерархии того, кто написал или сказал «Слово о Шолохове»: Горький, Алексей Толстой, Вячеслав Шишков, потом уж Федин и прочие первые секретари различных национальных писательских Союзов и республик, потом уж ближние друзья, кто действительно часто встречался и хорошо знает главного героя сборника воспоминаний, потом уж товарищи и коллеги по литературному цеху и жизни вообще. Включали воспоминания и зарубежных писателей и политических деятелей, но тоже примерно по тому же принципу: сначала знаменитые, потом

тоже знаменитые, но не очень, а потом уж все подряд. Таким образом составители стремились подчеркнуть и значимость самого М. Шолохова.

Тем не менее и эти два сборника сыграли свою роль, многим авторам удалось сказать свое «Слово о Шолохове», оставить в памяти читателей живые детали и подробности жизни, быта, творческих поисков своего великого современника. Но все-таки в этих сборниках было и много «патоки», такого, что вызывало у Шолохова раздражение, о чем он и не замедлил сообщить, прочитав рукопись воспоминаний, Анатолию Сафронову, под редакцией и по инициативе которого выходили оба сборника.

В предлагаемом сборнике составитель стремился использовать положительный опыт своих предшественников и избежать их ошибок и недостатков.

И главное – не все материалы нужно воспринимать как строго документированные, память человеческая имеет свои изъяны, нужно знать и учитывать характер автора воспоминаний и делать кое-какие поправки при восприятии того или иного материала. В частности, К.И. Прийма в своих первых публикациях о Шолохове, начиная с 1955 года, любил кое-что и «приукрасить», чтобы его очерк выглядел чуточку «завлекательнее», придумывал «подробности», которых на самом деле не было. На это в свое время ему было указано в печати, а поэтому все последующие материалы К. Прийма визировал у Шолохова. Так завизирован и очерк К. Приимы, публикуемый здесь.

Критически необходимо относиться и к другим материалам.

В октябре 2002 года в Вешенской я показал примерный состав книги «Михаил Шолохов в воспоминаниях современников». Михаил Михайлович Шолохов просил быть осторожнее с публикуемыми материалами, указав на некоторые неточности в воспоминаниях, в дневниковых записях и др. Составитель либо сократил эти сомнительные места, либо дал свою оценку в комментариях, ссылаясь на другие источники, более точные и документированные с его точки зрения.

Но все эти материалы в совокупности представляют особый интерес, все они возникли как итог общения с великим современником, высвечивая ту или иную черту его многогранной человеческой личности, творческой и общественной жизни.

Составитель стремился расположить материалы в хронологическом порядке, что дает возможность проследить развитие биографических событий от детства до старости, но кое-где не удалось избежать воспоминаний об одном и том же событии или эпизоде разных мемуаристов, но с разных точек зрения. Это обогащает эпизод или событие. Так, Иван Погорелов и Петр Луговой чуточку по-разному рассказывают о заседании Политбюро в 1938 году, но от этого событие, увиденное с разных сторон, становится ярче, многограннее, полнее.

Так и в других случаях...

Публикация книги «Шолохов в воспоминаниях современников» не сулит никакой коммерческой выгоды.

Это дар Шолоховского центра и издательства великому юбилею Михаила Александровича Шолохова.

Виктор Петелин

Пролог

Шолохов и современность¹

**«Круглый стол» к 10-летию со дня кончины
М.А. Шолохова. Февраль 1994 года**

Межрегиональный Фонд имени М.А. Шолохова и Шолоховская группа Института мировой литературы имени А.М. Горького в эти дни провели «круглый стол», посвященный памяти М.А. Шолохова.

Тема: «МИХАИЛ ШОЛОХОВ – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XX ВЕКА».

В работе «круглого стола» приняли участие М.И. Алексеев, М.П. Лобанов, Ф.Г. Бирюков, В.В. Кожин, С.И. Семанов, В.В. Васильев, В.Г. Левченко, М.М. Шолохов, Е.П. Рышко, М.А. Айвазян, О.И. Михайлов, П.Л. Проскурин, Л.Е. Колодный². Председательствовал президент Фонда имени М.А. Шолохова доктор филологических наук В.В. Петелин.

Публикуем некоторые выступления (иные – фрагментарно) участников «круглого стола».

В.В. Петелин¹

Когда Шолохов умер, мир стал на голову ниже в своем духовном росте, опустилась нравственная планка, словно перестал действовать тот совестный суд, который всегда живет в сердце русского писателя. Пожалуй, точнее других это душевное состояние выразил Владимир Чивилихин в 1967 году в письме в Вешенскую – после того, как в издательстве «Советская Россия» была отпечатана его книга «Земля в беде», но весь тираж был «изрублен в лапшу». Никто не заступился, никто не одернул всесильную цензуру... Оставалась одна высшая инстанция – Шолохов... И Чивилихин написал: «...Иногда мысли заедают и жить не дают, думаешь – не сесть ли на самолет и не слетать ли к

Шолохову, посоветоваться...» Только сейчас мы узнаем, что и Шолохов был связан по рукам, как говорится, и ногам, и самого его «корезили» так, что после вмешательства высокого начальства пропадало желание писать вообще.

Вот это желание – посоветоваться – возникло и у меня сорок лет тому назад, после того, как ученый совет филфака МГУ утвердил тему моей кандидатской диссертации, и я окунулся в море литературы о Шолохове и его произведениях... И прежде всего меня поразило громадное отличие героев Шолохова от того, что о них писали маститые критики и ученые; особенно Григорий Мелехов никак не укладывался в те рамки, которые уготовили ему эти критики и ученые, все как один – узнал я впоследствии – находившиеся в плену вульгарного социологизма... «Наверное, Шолохов не знает о той ерунде, которую о нем пишут», – подумал я. И написал многостраничное письмо с критикой прочитанных о Шолохове сочинений. Со всем пылом юности доказывал, что Шолохов не осуждает, а любит казачество, что «Тихий Дон» – это не «торжество голытьбы и большевиков», а гневный протест против расказачивания, в сущности, «реквием» – не помню, кто первый это сказал, – по всему русскому казачеству, работающему крестьянству, по всей дореволюционной России. И Григорий Мелехов – любимый герой писателя, воплощающий лучшие черты русского национального характера, а донское казачество – часть, может быть, лучшая, русского народа...

Написал письмо и стал ждать ответа, конечно, ответа-одобрения... Две недели в Вешенскую, две – обратно, так я решил, но проходит месяц, другой, а ответа нет... Ну, думаю, при-

дется «ловить» Михаила Александровича в Москве. Лишь после выступления на II съезде советских писателей он, побежденный нашим настойчивым желанием повидаться с ним, пригласил нас, меня и моего друга Славу Петрова... Об этой встрече я писал в своих книгах. Здесь лишь повторяю, что был переполнен критическим пафосом и, улучив момент, спросил его об отношении к тому, что пишут о нем критики и ученые.

– А зачем вам критикой-то заниматься? – как бы вслух размышлял Шолохов, отвечая на мой вопрос. – Вы еще молодые, попробуйте написать о чем-нибудь близком и дорогом, об отце, о матери. Возьмите и напишите о студентах и преподавателях университета. Как видится вам жизнь, так и пишите, отбор жизненных явлений сам собой произойдет. Вот Виталий Закруткин, начинал он как ученый, тоже в аспирантуре учился, преподавал в Ростовском университете, а сейчас написал хорошую книгу. Это полезнее, чем критикой заниматься...

Вскоре после этой встречи, летом 1956 года, я написал кандидатскую диссертацию, частично опубликовал в журнале «Филологические науки», опубликовал еще несколько статей, в 1961 году защитил диссертацию, и лишь в 1965 году появилась моя книга «Гуманизм Шолохова», после выхода которой началась многолетняя дискуссия с Л. Якименко, В. Гурой, И. Лежневым (с его книгами) и другими литературоведами, которые утверждали, что Шолохов в образе Григория Мелехова показал отщепенца, оторвавшегося от народа, растерявшего в характере все хорошее, и нет ему места в новой начинающейся жизни...

Весь пафос моей книги, переизданной в 1974-м и 1986 годах, прямо противоположный... Но не буду «носиться мыслью по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками», дабы не возвеличить в ваших глазах то, что было сделано почти сорок лет тому назад... Законы нашего «круглого стола» как раз и диктуют мне – не растекаться мыслью по древу, а переходить к сути нашего обсуждения.

А суть в том, что в 1974 году в Париже вышла книга Д* «Стремя Тихого Дона» с предисловием Александра Солженицына, в которой Шолохов – в какой уж раз! – обвинялся в использовании чужого сверхталантливого произведения. Солженицын вспоминает, как еще 12-летним мальчиком он в Ростове слышал, что Шолохов «нашел готовую рукопись... убитого казачьего офицера и использовал» в своем «Тихом Доне». Более того, он обвиняет и Александра Серафимовича в том, что тот, дескать, знал истинную правду, знал творческую историю «Тихого Дона», но, из патриотических соображений, скрыл ее, унес с собой смертельный «грех» неправды. «Впрочем, и по сегодня, – утверждает Солженицын, – живы современники тех лет, уверенные, что не Шолохов написал эту книгу. Но, скованные всеобщим страхом перед могучим человеком и его мстостью, они не выскажутся до смерти».

Через год была напечатана книга Р. Медведева, сначала на французском, а еще через два года – на английском. Проблема все та же – кто написал «Тихий Дон»?

Американский профессор Герман Ермолаев убедительно показал непрофессионализм как Д*, так и Р. Медведева; некоторые западные ученые использовали даже ЭВМ для того, чтобы узнать – кто же написал «Тихий Дон»?

Таким образом возник «заговор» против Шолохова, о котором добротную статью написал Владимир Васильев в журнале «Молодая гвардия» (1991. № 11–12).

От этого «заговора» уже невозможно отмахнуться как от какой-то мелкой чепухи. Эта чепуха превратилась в серьезную болезнь общества, потому что стоит заговорить о Шолохове, как тут же возникает все тот же вопрос: «Так кто же написал «Тихий Дон» – Шолохов или Крюков?» Этот вопрос задавал мне совсем недавно и один из космонавтов, доктор наук, крупный общественный деятель, спрашивали об этом же и студенты, и преподаватели университета в городе Элисте...

Вопрос вроде прояснился давным-давно, вроде бы рухнули все «опоры» концепции Солженицына и его сподвижников, но средства массовой информации снова и снова возбуждают интерес к этой «пикантной проблеме». То появится статейка в «Огоньке», то в «Новом мире»,

выскажется еще где-нибудь какое-то сомнение, и получается, нет ни одного факта, но имеются сомнения... Уж даже «Известия» в статье «Тихий Дон» из спецхрана» (17 ноября 1993 г.) и то констатируют: «развеяна еще одна литературная мистификация», – а непрофессионалы-критики и просто читатели все еще спорят... Да, средства массовой информации основательно поработали, чтобы широко оповестить о нелепых выводах ненавистников, а скорее – завистников Шолохова.

И надо сознаться, что есть в этом и наша вина. Правильно писали «Вопросы литературы», открывая дискуссию по этим проблемам: прошло много лет со дня публикации «Тихого Дона», а до сих пор «еще нет ни академического издания этой эпопеи, ни подробной, документированной биографии М. Шолохова», и никакие отговорки не могут оправдать подобного бездействия³. Много лет в ИМЛИ существует Шолоховская группа... Уже сейчас можно отметить ряд интересных публикаций Владимира Васильева, Сергея Семанова, Виктора Левченко, Федора Бирюкова... Но главное, чем занята группа, как раз и состоит в подготовке академического издания «Тихого Дона». Работа незаметная, кропотливая, требует максимальной ответственности. И к 90-летию М.А. Шолохова мы постараемся серьезно продвинуться в осуществлении поставленной цели⁴.

М.А. Алексеев

Десять лет как ушел от нас великан русской литературы Михаил Александрович Шолохов. Он ушел, а отравленные стрелы лютой ненависти продолжают лететь в него, выпускаемые из лука людьми, чьи ничтожные имена, может, и запомнятся только потому, что они и при жизни и после смерти наших национальных гениев травили их, набрасываясь то в одиночку, то, чаще всего, целой сворой; в отличие от Дантеса эти, нынешние гонители, хорошо знают, на ЧТО поднимают свою липкую грязную руку.

Оскорбления следуют за оскорблениями.

Годы невыносимых страданий.

И – смерть...

Я узнал о ней, когда в Центральном доме литераторов проходил очередной писательский пленум. В вестибюле толпился наш пишущий брат. Вечная спутница всех литературных радостей и скорбей Нинель Шахова в лихорадочной спешке выискивала того, кому бы подсунуть микрофон, чтобы как-то в программе «Время» люди услышали из уст литератора о трагической новости. Почему-то подлетела ко мне. А вокруг шум, гвалт (продолжался перерыв), – писатели – народ говорливый, а тут еще такая страшная весть. Что сказать? Как собраться с мыслями? Да и что тут скажешь, когда дыхание перехватило. Мне-то казалось, что я и не говорил вовсе, а только думал, но оказалось – вслух. «Если, – говорил я, – можно одному человеку осиротеть дважды, так это случилось со мной. Первый раз – в 33 году, когда умерли с голоду отец и мать. И вот теперь, когда умер Он. Да что там я? Осиротела вся наша литература...»

А сами похороны были более чем странные. Десятки зарубежных писателей рвались в Вешенскую – их не пустили. Сотни наших соотечественников-литераторов хотели бы попрощаться с великим станичником – не пустили. Десяток москвичей во главе с М. Зимяниным – вот и все. Все было как-то скомкано, все торопливо как-то.

Весна была где-то уже недалеко, а над Доном стоял лютый мороз, да еще с пронизывающими ветрами. Руки сами тянулись, чтобы надеть шапку в похоронной процессии, но бородастые старики казаки шли с обнаженными головами, и ты, устыдившись, комкал шапку в руке, не смея поднять ее. На всех деревьях, мимо которых медленно двигался броневичок с гробом покойного, точно весенние грачи, торчали ребятишки – им и ветер нипочем: они прощались со своим великим земляком. Им оттуда, сверху, было хорошо видно, как по заснеженной степи от

всех станиц и хуторов бесконечными лентами вытянулись колонны людей, которые спешили попрощаться с родным Михаилом Александровичем.

Солдаты, несколько великанского роста молодых парней, раскрасневшись, обливаясь потом, заканчивали рыть могилу между четырех берез, посаженных самим Шолоховым (он сам указал место для своей могилы). Могила эта удивила всех: так она была глубока. Выяснилось, что солдатам хотелось во что бы то ни стало докопаться до песка. Не хотелось им опускать гроб на глину. И только когда появился белый, как сахар, песок, солдаты остановили работу. Думалось им, что теперь-то гроб подольше сохранится: песок – не глина...

А мне хотелось узнать, что сказал Шолохов в самый последний миг. И после того, как могила была засыпана, когда она покрылась сначала белой шапкой сохраненного для этой цели песка, а потом венками из живых цветов, после того, как мы оказались за поминальным столом, старшая дочь писателя, Светлана Михайловна, дежурившая круглые сутки у изголовья умирающего, рассказала..

Лежал Михаил Александрович на супружеской кровати. Жену, Марию Петровну, попросил, чтобы и она была рядом с ним. В последнюю минуту, где-то, кажется, за полночь, Шолохов вдруг тихо заговорил, обращаясь к Светлане:

– Потерпи еще немного, доченька. Я сейчас помру... Я сейчас...

Отыскал руку жены, поцеловал, резко отвернулся. И это было все. С этим жестом последним и был его последний вздох.

Умер в полном сознании. Болезнь иссушила его до крайности. Сказывали, что он весил уже не более сорока килограммов.

Лежал в гробу маленький, иссохшийся. Только высокий лоб и беркутиный нос были прежними, да еще вздувшиеся как бы в последнем напряжении какой-то трудной мысли вены отчетливо были видны на этом лбу.

Ох, как же не хватает его нам сейчас, когда все рушится, когда все взбудоражено и поднято на дыбки, как не хватает его орлиного взора и бесстрашия, его мудрого слова.

Будь он жив, может быть, не так уж бы нахально вели себя его извечные гонители, которые так же, как мы любовь к нему, передают свою лютую ненависть как бы по наследству.

Е.П. Рымко, советник-посланник МИДа

В сборнике выступлений Михаила Шолохова «Россия в сердце» (М.: Современник, 1975) и в книге Константина Приймы «Тихий Дон сражается» (М.: Советская Россия, 1975) опубликован текст обращения М. Шолохова к шведским читателям. Это обращение было написано 2 июля 1957 года в Стокгольме по просьбе шведского издательства «Тиден» и помещено как предисловие к очередному шведскому изданию «Тихого Дона» (1957). Читая эти публикации, нельзя не обнаружить, что тексты обращения Шолохова в сборнике (с. 64) и в книге К. Приймы (с. 329) не идентичны. Более того, ясно, что некоторые фразы не могли выйти из-под пера классика. Например: «Как взрослый человек, гостящий в Швеции, я всегда оставался влюбленным в эту природу, эту траву и в Ваш усердный народ» (сборник), – или: «...я всегда оставался влюбленным в вашу суровую природу, в вашу флору, в ваш храбрый и трудолюбивый народ» (К. Прийма).

Объяснение этой «разногласице» есть только одно – и составители сборника, и К. Прийма не располагали подлинником предисловия М. Шолохова и поэтому воспользовались его переводом со шведского языка. В результате получился двойной перевод (с русского на шведский и со шведского на русский), а отсюда – неточности и искажения.

В 1957 году, работая в Стокгольме в качестве пресс-атташе нашего посольства, я оказывал М.А. Шолохову некоторую помощь в поддержании контактов со шведами, в том числе с руководством издательства «Тиден». По поручению писателя я передавал в издательство

русский текст предисловия. Пользуясь случаем, передаю копию этого текста в архив ИМЛИ. Думаю, что, ознакомившись с ней, и специалисты, и просто читатели смогут легко убедиться, что это действительно рука Шолохова. Хочется, пусть с запозданием, исправить ошибку, чтобы она больше не тиражировалась.

ШВЕДСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Еще в давние гимназические годы, будучи подростком, я мечтал побывать в Скандинавии. Меня не прельщали тропические страны, как многих моих сверстников, меня влекло на север. Очевидно, это было потому, что еще тогда я, читая, полюбил книги Лагерлеф, Стриндберга, Гамсуна, а через посредство их – и Скандинавию.

Уже зрелым мужчиной я побывал в Швеции и был очарован ее природой и мужественным, красивым и по-умному трудолюбивым народом. Эти чувства я снова испытал, как бы обновив, вторично побывав в вашей прекрасной стране в этом году. Пожалуй, на весь остаток жизни у меня сохранятся в памяти эти милые сердцу воспоминания.

Покидая вашу страну, я испытываю легкое чувство грусти, всегда сопутствующее человеку, когда он расстается с чем-то дорогим его душе. Но одновременно я ощущаю и радость: в ваших руках останутся мои книги, повествующие о далеких для вас людях России, которые так же страдают, так же любят, так же ненавидят, и каждый из них так же несчастлив или счастлив, как и люди вашей страны.

Кусочек моего сердца, моих раздумий, моего труда остается в ваших руках, и это смягчает горечь разлуки с прекрасной Швецией и ее великолепным народом. Желаю вам мира и счастья!

Ваш М. ШОЛОХОВ

Стокгольм. 2.7.57 г.

М. П. Лобанов

Вспоминаю то потрясающее впечатление, которое испытал, прочитав впервые, в студенческие годы, вскоре после войны «Тихий Дон». Поражала мысль, что такой великий художник живет в наше время. Впоследствии я не раз думал, как отзовется в нас, каким ощущением глубоко личной утраты – уход Шолохова. Но вот не стало писателя, и «ничего не произошло». Как «подешевел человек в революцию, в гражданскую войну», по словам старого казака из «Тихого Дона», так «подешевел» талант, гений в новую революцию под видом «перестройки», «реформ». Все десять лет после смерти писателя – это непрекращающаяся травля его как автора «Тихого Дона» (вроде развязанного «следствия по делу» авторства романа в недавних номерах «Нового мира»). Все эти десять лет – размывание, истребление того коллективного, соборного качества народной жизни, которое и составляло ее традиционную особенность и которое так органично выразилось в художественном мире писателя, – как будто и не было Мелеховых, их смертных мук... Одна осатанелость новоявленных грабителей России.

«Спутали нас ученые люди», – говорит Григорий Мелехов, мучительно ищущий (да не отвлеченно, а с оружием в руках!) правду жизни. Спутали не одного Григория с его «простым, бесхитростным умом», а миллионы, десятки миллионов людей, поэтому и разделили народ на «красных» и «белых», поэтому и стала возможна чудовищная братоубийственная гражданская война.

Исследователь творчества Шолохова В.В. Петелин еще много лет назад писал о подлинно народном характере Григория, его обобщающем значении. В самом деле, это – середина, серд-

цевина народного характера, без радикальных революционных крайностей. Его однохуторянин, друг детства (а затем непримиримый классовый враг) Мишка Кошевой отделяет себя от народа, клеймя его: «Сука народ! Хуже! Кровью весь изойдет, тогда поймет, за что его по голове гвоздят!» Подобные слова немислимо услышать от Мелехова, он сам из тех, кого «по голове гвоздят», хотя по силе характера, глубине интуиции, по природным способностям (не говоря уже о чести) он недосыгаем для таких, как Кошевой. Оба они борются, но с разными целями. Кошевой – чтобы уничтожить всех «классовых врагов», в том числе и в народе (следуя при этом за своим учителем: «Мишка часто хватался за рукав штокмановской шинели, будто опасаясь, что вот оторвется Штокман и скроется из глаз или растает призраком»). Мелехов – как труженик, которому обрыдла война, жестокость, ненависть, который жаждет как бы вернуться к хозяйству, зажить мирной, семейной, трудовой жизнью.

Возмущаясь, что среди расстрелянных хуторян не оказался Мелехов, Штокман изрекает: «Именно его надо бы взять в дело! Он опаснее остальных, вместе взятых». Опасность, разумеется, не в одном Мелехове, а в жизнестойкости таких, как он, – созидательной, творческой основы общественной жизни, противостоящей разрушительным силам.

И вот не истребленные целиком в свое время Мелеховы (уже их внуки) – вновь на первом плане прицела. Новоявленный экономический Штокман – Гайдар (в споре с аграрным лидером Лапшиным по телевидению) обвиняет аграрников (которым не заплачено ни копейки за сдачу сельхозпродукции) во всех смертных грехах: в невыплате денег офицерам, в разгроме культуры, науки, медицины и т. д. Опять виновата та самая «зоологическая среда».

Есть борьба творческая (во имя созидания) и паразитирующая на отвлеченной, демагогической идее. Что такое второго сорта борьба – мы знаем по троцкистской «перманентной революции» (от «мировой революции» – до нынешней «мировой демократии», «мирового сообщества», «мирового рынка» и т. д.).

На пути этих борцов и стоит ненавистная им консервативная, «нецивилизованная» сила, как «мелеховщина», которую, конечно, легче было бы разбомбить с помощью «мировой демократии», если бы была гарантия невозобновляемости этого «отребья». Увы, сие не зависит даже от «мировой демократии».

В. В. Васильев

По известности в народе имя Шолохова сразу же следует за именем Пушкина, и это обстоятельство не могло не обратить на себя внимания Солженицына, детство и юность которого прошли в Ростове-на-Дону. Как писатель и человек Солженицын формировался в атмосфере уникальной популярности Шолохова. Возможно, популярность Шолохова заронила в Солженицыне глубоко скрываемое им чувство зависти и весьма рано подвигнула его на пересмотр и художественное преодоление «Тихого Дона» и шире – на новое понимание истории русской революции и даже выработку нового социального учения. Этой задаче, носящей очевидный социально-политический характер, и был жестоко подчинен весь порядок жизни Солженицына, с юношеских лет заставлявшего себя работать по пятнадцать часов в сутки, строго планировать время на развлечения, еду и сон и избегать дел и занятий, уводящих в сторону от избранной цели.

Шолохов развивался как обыкновенный человек. И если что и поражает в воспоминаниях о Шолохове, так это прежде всего обилие в них каждодневных житейских мелочей, на какие с серьезной заинтересованностью отзывался автор «Тихого Дона», как бы «размениваясь» на суету и «отвлекаясь» от своего главного предназначения. Иначе говоря, Шолохов был слишком одарен чувством непосредственной жизни, не исключая обыденных людских страстей, радостей и невзгод. Он шел от жизни и из жизни, формируясь без какого-либо заранее продуманного плана. Больше того, сама жизнь планировала за Шолохова: не дописав «Тихого

Дона», он садится за «Поднятую целину»; откладывает «Поднятую целину», увлекаясь романом «Они сражались за родину»...

Талант Шолохова есть органическое развитие в нем чувства любви к жизни, которое задаром дается человеку от рождения, до его полноты и универсальности. Это – первичный, божественный дар по природе и качеству, дар, не укладывающийся в концепции и разрушающий теории... Талант Солженицына обусловлен подавлением в человеке его естества и характеризуется не укорененностью в жизни, а способностью к выработке концепций по поводу действительности. По своему характеру это талант спекулятивный, вторичный, рациональный, идущий от ума, сомневающегося в возможностях души и сердца. В отличие от Шолохова Солженицын как художник не обладает ощущением тайны, глубины и чуда жизни и артистизмом самозабвенного перевоплощения в чужое, отличное от «моего», существо; его писательской воле не подвластны ни психология женщины, ни феномен ребенка, ни поэтическая сторона природы и отношений между людьми – все то вечное, что не поддается переводу на язык механики и математики, социологии и политики.

Талант Солженицына – исключительное порождение XX века, склонного к подмене природы ее суррогатами: чувства – интеллектом, конкретного человека и конкретной национальной действительности – теоретическими представлениями и конструкциями о людях и жизни. В этом смысле надо бы удивляться не тактическим способностям и упорству Солженицына, с какими тот защищает свои идеи с юношеских лет, а гению и мужеству Шолохова, сумевшего, вопреки соблазнам, в бурную эпоху столкновения и борьбы идей отстоять не только живого человека и живую жизнь от посягательства на них всякого рода умозрительных «уздек» и «удавок», но и укрепить народ в его всегдашнем сердечном недоверии к многообещающим логическим построениям будущего. «Тихий Дон», сколько бы ни старались обвинить его автора в политической тенденциозности соответствующим случаем подбором цитат, – произведение в высшей степени свободное и не исчерпывающееся никакой умственной концепцией. Претензии к Шолохову-художнику обнаруживают несовершенство нашего ума, склонного к окончательным суждениям. Между тем чтение «Тихого Дона» должно бы нас подвигнуть к выводу о принципиальной неконцептуальности российской жизни и о недостаточности интеллекта в ее обустройстве.

С юности вынашивая замысел своеобразного анти-«Тихого Дона» – «Красного колеса», Солженицын косвенно признал свое поражение в художественном соревновании с Шолоховым, отдав в многочисленных интервью предпочтение «Архипелагу ГУЛАГу» как главной книге в своем творчестве.

Проиграв Шолохову, Солженицын в «Красном колесе», естественно, потерпел поражение и от жизни. Как пишет французский славист Жорж Нива, «страшным и гиблым оказался путь Солженицына в поисках утраченной добродетели. Он ее не нашел. Он застрял в дебрях документа и архива». И далее: «Трагична потеря ориентира, как будто сам предмет повествования повлек за собой повествователя. Умер романист, умер роман, побледнели все вымышленные лица, остался огромный ворох обрывков... Неудача эта не литературная, не поэтическая, а более глубокая, экзистенциальная» (Континент. 1993. № 75).

Вывод Нивы не лишен проницательности. Думается, не без сопряжения с собственным духовным опытом Солженицын в последнее время заговорил о «холодящем страхе смерти» и о причинах такого страха: «Человек потерял ощущение себя как ограниченной, хотя и одаренной волею точки Вселенной, он все больше стал мнить себя центром окружающего, не себя приравливая к миру, а мир к себе. И тогда, конечно, мысль о смерти становится невыносимой: ведь это погасание всей вселенной разом» (Комсомольская правда. 17.9.1993).

Раньше Солженицын думал о себе иначе – именно как о «центре вселенной», о человеке, в сознании которого даже не от страха смерти, но от одного только «шипения»: «Вы аресто-

ваны!» – «мир раскалывался», а «если уж вы арестованы – то разве еще что-нибудь устояло в этом землетрясении?» (Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. С. 13).

Шолохов никогда не мнил себя центром вселенной и не приноравливал мир к себе. Даже умирая, он думал о страдании ближних, невольно причиняемом им своею болезнью. Чувствуя, что жизненные силы покидают его, автор «Тихого Дона» благодарно коснулся губами руки жены и – со словами «Потерпи немного, я сейчас помру» – скончался...

* * *

В. В. Петелин. В Шолоховской группе накопилось множество вопросов к присутствующему здесь Михаилу Михайловичу Шолохову. Попрошу вас, Михаил Михайлович, ответить на некоторые. В каком состоянии ваши «Воспоминания об отце»? Что в ближайшее время вы готовите к публикации?

М. М. Шолохов. Сейчас я готовлю к печати письма отца, которые он писал матери в разные годы. В основном письма относятся к периоду с 1924 года (когда они поженились) по 1930 год. Что же касается сроков, то... Пока я думаю дать их без пространного комментария. Если планы мои не изменятся, то работу можно считать подходящей к завершению. Если же сочту нужным их прокомментировать и дополнить своими пояснениями, воспоминаниями и т. д., то в таком случае о сроках пока говорить не буду⁵.

М. А. Айвазян. При жизни Михаила Александровича никто не обращался к нему с просьбой передать рукописи для оформления архива? Я имею в виду какой-нибудь институт или библиотеки...

М. М. Шолохов. Нет, такого случая я не знаю. Были предложения от некоторых частных лиц, в искренность и бескорыстие которых трудно было поверить.

М. А. Айвазян. Какое непростительное равнодушие к наследию, которое могло бы стать учебником творчества для молодых писателей.

М. М. Шолохов. Вы почти дословно повторили старого друга отца, К. В. Потапова: он однажды высказал эту мысль, когда отец при нем бросил в камин большую пачку рукописей. Протянув Потапову рукописный лист, исчерканный вдоль и поперек так, что правильно прочитать окончательный вариант, кроме самого отца, вряд ли кто смог бы, он сказал: «Брось, Кирилл! Не повторяй глупостей только потому, что их до тебя тысячу раз повторяли. Рукописи, если и нужны кому, так только критикам да литературоведам, чтобы на них свои вымыслы и домыслы строить. Да спорить потом друг с другом, чем домысел превосходит вымысла и почему именно вымысел одного правильнее домысла другого. Но их-то понять можно, и Бог им судья. В спорах ведь рождаются... деньги. А что касается писателей, то кому нравится, чтобы за них домысливали?... А кому нравится, те пусть и оставляют свои рукописи».

Я это вспомнил, чтобы охарактеризовать отношение отца к своим рукописям, – думаю, если бы такие предложения и были, отец вряд ли на них согласился бы.

В. В. Петелин. Михаил Михайлович! Кроме того, что уже известно из публикаций воспоминаний И. С. Погорелова, не могли бы Вы добавить какие-нибудь детали отношений между ним и Михаилом Александровичем?

М. М. Шолохов. К тому, что написано Погореловым и П. К. Луговым, ничего существенного добавить я не могу. Могу только подтвердить, что все сказанное ими полностью соответствует действительности, за исключением некоторых малозначащих деталей, которые при желании вполне возможно уточнить. Что же касается отношений между отцом и дядей Ваней (как все мы, дети Шолохова, называли Ивана Семеновича), то прочитавшим воспоминания Погорелова должно быть ясно – у людей, переживших такое, они не могли быть иными, кроме как очень теплыми.

В.В. Петелин. Нас интересует не только «Тихий Дон», но и все творчество Шолохова. Не менее трагична и история романа «Они сражались за родину». Светлана Михайловна сейчас восстанавливает его подлинный текст... «Они сражались за родину»... Виктор Левченко привез из Вешенской копию записки Шолохова Брежневу, проливающую свет на положение писателя в период «застоя»... Вам слово, Виктор Григорьевич!

В. Г. Левченко

В дни памяти Шолохова я прежде всего хотел бы сказать о том, что наконец-то реабилитировано казачество. Отношение к нему у Михаила Александровича было особое. И любовное. И вместе с тем разумно прагматическое. Помню, когда экспедиция «Дорогами Григория Мелехова» в июне 90-го года завела нас в станицу Боковскую, к бывшему первому секретарю Вешенского РК КПСС Петру Маяцкому, немало он рассказал нам интересного о нраве Шолохова и его привычках, о приезде к Шолохову Олжаса Сулейменова, Василия Белова, Юрия Гагарина, когда тот, купаясь, накололся на ракушку, а секретарь райкома, бывший военный разведчик, лечил его по-фронтовому: оросил рану водкой и дал стакан для обезболивания. «Ни хрена себе, доктор», – улыбнулся во все лицо Юрий Алексеевич. Михаил Александрович ждал его как никого другого и даже сам возил по пескам на машине... Так вот, спросил я у Маяцкого об отношении Шолохова к казачеству. «Часто Михаил Александрович, – сказал Маяцкий, – поднимал такие вопросы: «Скажи, Петро, ну, сколько ж у нас дармоедов сегодня? Вот был в станице один атаман, у него был писарь, не писарь, а пысарь, он назывался – пысарь. Атаман вышел с палочкой, решения там на круге принимает, тебе возить – туды, а тебе идти – туды... и шло все, как положено. Пысарь только отвечал или отмечал, и все. И ничего больше. А сегодня – и райком есть, и райисполком есть, и сельский совет есть, и профсоюз есть, и комсомол есть, и, Господи, все есть, а дело-то пока хромает»,

Реабилитирован, слава Богу, и Григорий Мелехов.

В.В. Петелин. Реабилитировал я его в своей книге «Гуманизм Шолохова» еще в 1965 году.

В.Г. Левченко. Виктор Васильевич! Ваше открытие вошло в анналы, а по поводу Вашей работы «Два Григория Мелехова» в литературных кругах даже ходила поговорка: двадцать два Мелехова Виктора Петелина. Но это не в обиду Вам будет сказано. Читали, переиздавали, вот откуда и незлобивый юмор. Но Вы, Виктор Васильевич, к сожалению, не секретарь Ростовского суда.

А я хотел сказать о реабилитации главного прототипа Мелехова Харлампия Васильевича Ермакова, расстрелянного по внесудебному постановлению ОГПУ в 1927 году и реабилитированного только в 1989 году, то есть спустя пять лет после смерти самого Шолохова. А до этого по всем делам он проходил как б/б — белобандит. И все, кому было положено знать, знали, с кого писал Шолохов своего Григория Мелехова. Но писатель не отступился от своего. Это, кстати, и к вопросу о том, кто первый начал писать о жертвах репрессий, с какими на казачество обрушились, – отцы Арбата, да простится мне подобное выражение...

Трудно до конца оценить величие подвига Шолохова: создать «Тихий Дон» и «пробить» через тысячи заслонов; уговорить Сталина не корезить, например, образ Лавра Корнилова, нарочито не ужесточать его; не упрощать и образы коммунистов, когда им хмелем была в голову власть, и т. д. Убедить родных...

– Ты не иначе как Пушкиным сделаться хочешь? – подначивал зятя рассудительный атаман станицы Букановской Петр Громославский.

– Может, и так, – отвечал Шолохов. И непонятно было, в шутку тот говорит или всерьез.

А сколько выпало на долю Шолохова испытаний... Вспомню лишь ноябрь 1938 года. Над головой Шолохова сгустились тучи. НКВД подготовило на него «дело» как на руководителя

повстанческого движения на Дону, Кубани и Тереке. Действовали крайне нагло и примитивно. И когда в Кремле в ноябре 1938 года с участием членов Политбюро и высших чинов НКВД произошла крупная разборка и товарищ Сталин даже пожурил писателя: «Напрасно вы, товарищ Шолохов, подумали, что мы поверили би клеветникам», – писатель расскажет такой незамысловатый анекдот: «Бежит заяц, навстречу волк и спрашивает: «Куда, серый, бежишь?» – «Как куда? Ты разве не слышал: ловят и подковывают». – «Так то не зайцев, а верблюдов». – «Ага, поймают, подкуют, а потом доказывай, что ты – не верблюд».

И членам Политбюро нечего было сказать в ответ...

Ф.Г. Бирюков

Шолоховское узнается по одной фразе.

Его образность можно уподобить разноцветному, в узорах, восточному ковру.

«Сады обневестились, зацвели цветом мелочно-розовым, пьяным. В пруду качаловском, в куге прошлогодней, возле коряг, ржавых и скользких, ночами хмельными – лягушачьи хоровады, гусиный шепот любовный да туман от воды...» («Двухмужняя»).

Так, уже в «Донских рассказах» проявил он способность находить собственные слова, строй фразы, интонацию.

«Ковыль, белобрый и напыщенный, надменно качал султанистыми метелками» («Лазоревая степь»). О фронтовике гражданской войны: «Смерть по-девичьи засматривала ему в глаза». Найдёт неожиданный эпитет: «Жизнерадостный строчащий стук пулемета» («Жеребенок»).

Редкая способность воссоздания мира вещей и явлений, людских отношений и чувств заметна каждому читателю в «Тихом Доне».

«Над степью – желтый солнечный зной. Желтой пылью дымятся нескошенные вызревшие заливы пшеницы. К частям косилки не притронуться рукой, вверх не поднять головы. Иссиня-желтая наволока неба накалена жаром там, где кончается пшеница, – шафранная цветень донника» (Т. I. С. 226).

Правда, мода тех лет на вычуры, натуралистические обороты речи коснулась в некоторой мере и Шолохова. В первоначальной публикации можно было встретить: «болтался в синеватой белеси неба солнечный желток», – но вскоре он нашёл более художественный вариант: «плыло в синеватой белизне неба солнце».

Верным своему критерию он остаётся и в «Поднятой целине»:

«Звенит, колдовски бормочет родниковая струя, стекая в речку. В текучей речной воде ты увидишь, как падают отцветившие миру звезды. Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами» (V, 123).

Шолоховские изобразительные средства расширяют наши представления о мире. Они сопрягают земное с небесным, реальное с таинственным, телесное с духовным. Его страницы напомнили лучшие образцы русской прозы, его имя ставили в ряд с Гоголем, Толстым, Чеховым, Буниным, Горьким. Одухотворенность картин, зримость, цветопись, детализация, лирика – все это предстало в таком индивидуальном проявлении, которое делает Шолохова неповторимым. Его нельзя подменить кем-то другим, так же, как искусство Шаляпина, Козловского, Обухова принадлежит только им.

В наше время заметной инфляции художественного слова всего полезнее было бы, особенно молодым литераторам, использовать способ медленного прочтения, прежде всего, «Тихого Дона», чтоб войти в «студию Шолохова», воспринять красоту выражения поэтической мысли. Так А. Чехов готов был разбирать по фразам повесть «Тамань».

Полезно такое занятие и тем, кто до сих пор упражняется в подыскивании кандидатов на подлинное авторство эпопеи. Их каждый раз подводит несопоставимость шолоховского слова – вершинного достижения русской культуры. Как только дело доходит до стилистического сопоставления текстов, так становится очевидным, насколько выше мастерство Шолохова.

Изобретателям версий следует учесть умный совет М. Ломоносова в его «Рассуждении об обязанностях журналистов»:

«Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Выказывать при этом неточные и безвкусные суждения – значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы».

В.В. Петелин. Михаил Михайлович! Что Вы скажете о романе «Они сражались за родину»?

М.М. Шолохов. Начат роман, как вам известно, в годы войны, отец и писал, и публиковал только военные главы, которые, как он сам говорил, могли бы хоть немного отвлечь солдата (кому в первую очередь он адресовал их) от тягот службы, подбодрить его, развеселить. Однако роман задумывался как трилогия, первая часть которой посвящалась предвоенным годам, вторая – войне и последняя – послевоенным, когда генерал Стрельцов прямо из плена попадал уже в наши лагеря и выходил из них, сохранив все свои высочайшие душевные качества.

Прототипом Стрельцова отец выбрал, после долгих поисков и раздумий, генерала Лукина. Я не могу говорить здесь более подробно, скажу лишь, что, похоже, отец действительно сжег очень большую папку рукописей «Они сражались за родину», поскольку после его смерти мы ее в его бумагах не обнаружили... Мне доводилось читать главу, в которой описывалась предвоенная «одиссея» генерала Стрельцова. Знаю, что, «запуская» эту главу в качестве «пробного шара», отец совершенно переделал ее, придав ей почти тот вид, какой известен из публикации, где эта «одиссея» уже просто рассказывается Стрельцовым. То есть отец пошел здесь тем же путем, что и в работе над «Тихим Доном». Я знаю, например, что в «Тихом Доне» у него была целая глава, посвященная описанию «подвигов» комиссара Малкина. Вся она, как вам известно, была им сведена к небольшому рассказу безымянного возницы, где уже не было множества подробностей, которые вытворял Малкин и о которых в нашей станице многие помнили, и мама многое об этом рассказывала отцу...

Вот эта «возня» с публикацией новых глав романа «Они сражались за родину» была полной неожиданностью; такая реакция на предельно и специально «смягченный» вариант его просто поразила. Это было для него настоящим ударом, полностью рушившим все его планы...

В.В. Петелин. Снова вопрос от нашей Шолоховской группы... При подготовке академического издания «Тихого Дона» мы сталкиваемся с трудным вопросом: какое из изданий романа можно было бы взять за основное? Не было ли у Вас с отцом разговоров по этому поводу?

М.М. Шолохов. Нет. Однако я знаю, что к отцу трижды обращался К.И. Прийма с письмами, где он с присущей ему дотошностью, по пунктам, постранично указывал на разночтения между довоенными и послевоенными изданиями. И всякий раз отец просил восстановить текст по предвоенным изданиям. Я лично не сомневаюсь, что поскольку издание 3-й книги «Тихого Дона» было санкционировано самим Сталиным, то очевидно, что самые первые издания ее (как и 4-й книги) менее всего подвергались правке. Наверное, именно эти издания и нужно считать за отправные. Думаю, что и первые две книги следует брать по их первым изданиям.

Оговорюсь, что имею в виду разночтения, в подоплеке которых ясно проглядывают политико-идеологические, цензурные соображения. Что же касается изменений текста, вызванных задачами литературно-художественного плана, то в этом случае вы разбираетесь лучше меня.

В. В. Кожин

С большим интересом я прослушал все выступления, но, мне кажется, сейчас важнее всего – это заново прочитать «Тихий Дон». Поделюсь своими соображениями... Решусь сразу же сказать о наиболее важном: любовь, ставшая стержневым действием «Тихого Дона», не является неким развертывающимся в сфере «частной», «личной» жизни «фоном» Революции, и, в свою очередь, Революция не может быть понята как «фон» этой любви. Ибо любовь Григория и Аксиньи и есть, если угодно, Революция, одно из ее воплощений, а в самом художественном мире «Тихого Дона» – даже безусловно главнейшее, основополагающее ее воплощение.

Стихия жизни, созданная в «Тихом Доне», испытывает перелом, переворот именно с начала этой любви, когда она разразилась (этот резкий глагол тут вполне уместен). Вот фрагмент из переломного звена повествования:

«Так необычайна и явна была сумасшедшая их связь, так исступленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестясь и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встрече почему-то люди стыдились смотреть».

То есть эта любовь изменяет, преобразует не только Григория и Аксинью, но и всю соприкасающуюся с ними жизнь. Я процитировал XII главку части первой; до этого момента жизнь в мире «Тихого Дона» течет размеренно, в какой-то степени даже патриархально-идиллически (хотя и ранее в повествовании является несколько предвещаний, предпосылок будущего взрыва), а далее – жизнь уже совсем иная, полная изломов и роковых столкновений.

В отлаженное за долгую историю бытие казацкой общины или, уместно даже будет сказать, огромной семьи тихого Дона (как его называли издавна) вторгается нечто разрушающее все устои и каноны.

Конечно, «преступление» Григория разрушает прямо и непосредственно его собственную семью. И уже в первой книге «Тихого Дона» отец Григория, Пантелей Прокофьевич, ясно осознает: «– Гришка наш, эх!.. – Старик горько закрутил головой. – Подковал он нас, стервец... Как ладно зажили было-к...»

Итак, надломлен создававшийся веками лад бытия. Пробитая брешь в конце концов приводит к полному крушению.

Кстати сказать, при появлении шолоховского повествования «преступная» любовь Григория и Аксиньи воспринималась и критиками, и читателями (или хотя бы их частью) в безусловно и сугубо положительном духе: да, мол, превосходно, что рушится эта косная, основанная на господстве обветшалых религиозно-этических догм жизнь тихого Дона – в том числе и то, что называли «деспотизмом семьи».

Сегодня, после прямо-таки глобального пересмотра оценки Революции, подобное безоговорочное одобрение едва ли возможно. И тем не менее образы Григория и Аксиньи, их трагедийная любовь воспринимаются и ныне с самым глубоким сочувствием. Нередко при этом пытаются как-то отделить их от Революции и, в частности, видеть в них только ее жертвы. Но реальное содержание «Тихого Дона» решительно противоречит таким попыткам.

Не приходится уже говорить о Григории Мелехове, который действительно становится жертвой лишь в конце повествования. Выразительна сцена (в конце «Книги третьей») его спора с дедом его жены Натальи – Гришакой. Мелехов в это время – один из вожаков мощного казацкого восстания, и девяностолетний Гришака (деду Гришаке – 69–70. – *В. П.*), проводящий дни за чтением Святого Писания, проклиная его: «Людей на смерть водишь, супротив власти под-

нял, грех великий примаешь!.. Все одно вас изничтожат. А заодно и нас. Бог – он вам свою стезю укажет».

Что ж Мелехов? «И вот сроду люди так, – думал Григорий, выходя из горенки. – Смолоду бесятся, а под старость, что ни лютей смолоду были, то больше начинает за бога хорониться... Ну уж ежеле мне доведется до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник».

Вскоре Григорий, словно бы исполняя заветы деда Гришаки, идет сдаваться новой власти, добровольно и окончательно превращая себя в жертву. Но это вовсе не отменяет, не перечеркивает его предшествующую судьбу, это всего лишь конец ее.

Нет никаких оснований видеть только жертву и в Аксинье. Сквозь все повествование проходит настойчивый мотив: «...в первый раз заметил Григорий, что губы у нее бесстыдно-жадные...», «жадные губы ее беспокоило и вызывающе смеялись», «бесстыдно-зазывно глядела», «порочно-жадные красные губы» и т. д. «Какая порочная красота!» – вырывается при взгляде на Аксинью у одной из «интеллигентных» героинь «Тихого Дона». Сохранившие нравственные устои казаки согласно называют Аксинью «змеей», «выползнем змеиным», «гадюкой»...

И как страшно воздействие любви Григория и Аксиньи на судьбу Натальи, которая сначала пытается покончить с собой, а позднее, не желая рожать ребенка от покинувшего ее Григория, идет вытравлять плод к неумелой старухе и гибнет от неостановимой потери крови. Можно с полным правом сказать, что жестокость любви Григория и Аксиньи по отношению к Наталье не уступает жестокости Революции как таковой...

Но почему же мы все-таки неоспоримо сочувствуем и сострадаем Григорию и Аксинье и, более того, любимся, восхищаемся ими? Великая правда «Тихого Дона» (сам Шолохов говорил, что вся его цель «большая человеческая правда») – правда, роднящая его с гомеровскими и шекспировскими творениями, заключается в том, что в его героях, если мерить их вековыми или, вернее, «вечными» понятиями, постоянно и поистине смертельно борются Божеское и сатанинское... И именно потому они (хотя это и может на первый взгляд показаться ложным, даже нелепым утверждением) прекрасны. Достоевский вложил в уста одного из своих любимых героев, Мити Карамазова, проникновенные слова: «...красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Мысль эта – не изобретение Достоевского; его герой только сильно и лаконично выразил то тысячелетнее русское сознание истины, которое воплощено даже в житиях святых подвижников, в чьих сердцах постоянно совершается эта самая битва.

«Тихий Дон» чаще всего пытались истолковать как воссоздание смертельной битвы красных и белых, – притом толкования получались разные: согласно одним, вся «правда» на стороне красных, согласно другим – белых. Последнее характерно для зарубежных толкователей, но во время появления «Тихого Дона» его автора обвиняли в «белогвардейщине» и в СССР.

Однако все подобные споры имеют заведомо поверхностный характер. Истинный смысл «Тихого Дона» (в отличие от множества повествований о Революции) пребывает глубже борьбы красных и белых: «Бог с дьяволом борется» в сердцах и тех и других – и в равной мере.

«Тихий Дон» – подобно творениям Гомера и Шекспира – обращен не к сегодняшнему, а к вечному противостоянию. Казалось бы, это не соответствует молодости его автора; но в действительности мировосприятие еще только недавно вступившего в жизнь и, с другой стороны, умудренного долгими годами, уже готовящегося к уходу из жизни человека наиболее способно (пусть и по-разному) обнять целостность бытия. Именно для юношей и стариков характерна сосредоточенность на вечном; сознание же людей средних лет, уже занявших свое место в жизни и еще активно отстаивающих его, в большей мере захватывают «текущие» дела и идеи.

Извечная «битва дьявола с богом» крайне разрастается и обостряется во время Революции, представляющей собой как бы обнажение этой трагедийной основы человеческого бытия.

И «Тихий Дон», мощно воплотивший эту суть Революции, дает нам возможность глубоко и полно воспринять истинный смысл совершившегося. И сейчас, когда в умах едва ли не господствует необдуманное или вообще бездумное «отрицание» Революции, это особенно важно и ценно.

В «Тихом Доне» без каких-либо прикрас предстает безмерно жестокий, поистине чудовищный лик Революции. Если подойти к делу всерьез, нетрудно понять, что те книги – а их в последние годы издано и переиздано много, – в которых, так сказать, специально поставлена задача разоблачить звериную беспощадность революционного террора, в сущности, менее «страшны», нежели шолоховское повествование. Ибо в них жестокость предстает все же как нечто «противоестественное» и исключительное, как плоды поведения некоторых нелюдей, между тем в «Тихом Доне» она воссоздана в качестве, если угодно, «обычной», естественной реальности человеческой жизни в революционную эпоху.

Но совершающие страшные деяния герои «Тихого Дона» в конечном счете остаются людьми в полном смысле этого слова.

***М.А. Айвазян, заведующий отделом рукописей
и художественной иллюстрации ИМЛИ***

В настоящее время, когда со всей очевидностью встает вопрос об издании полного академического собрания сочинений М.А. Шолохова, необходимо решить проблемы, связанные с формированием фондов документов и рукописей.

На сегодняшний день ни один из известных архивов не имеет какого-либо серьезного собрания и рукописей и документов М.А. Шолохова. Так, в РГАЛИ хранится 13 ед. хр., в Государственном литературном музее 1 ед. хр., в Санкт-Петербурге около 10 ед. хр., в ИРЛИ и Публичной научной библиотеке.

Пока не поздно, необходимо провести широкую археографическую экспедицию по разысканию, описанию и учету всего, написанного великим русским писателем XX века. Это и собрание, хранящееся в доме-музее в станице Вешенской; конечно, надо учесть и всю многочисленную переписку, его выступления в Союзе писателей, где он был много лет секретарем. Его записки к редакторам журналов и газет и издателям в московских издательствах. Я считаю, что в рамках академической программы по формированию фондов русской культуры XX века необходимо составить археографическую карту хранящихся в личном владении и в государственных хранилищах рукописных материалов М.А. Шолохова. Большую помощь в проведении такой работы мог бы оказать Российский фонд фундаментальных исследований Отделу рукописей НМЛ И РАН.

Вот какие первоочередные задачи могли бы поставить перед собой Шолоховская группа НМЛН РАН и Межрегиональный фонд им. М.А. Шолохова, прежде чем приступить к созданию академического собрания сочинений.

Часть первая Корни. Детство. Юность

В.Н. Запевалов Первоисточки личности и судьбы

К творческой биографии М.А. Шолохова

Одной из важнейших задач современного шолоховедения является разработка вопросов научной биографии писателя. Многие еще предстоит открыть и осмыслить в этой великой, поистине трагедийной судьбе большого русского художника, сполна вобравшей муки и радости отпущенного ей Времени. Полная драматизма и часто неожиданная в своем движении и переходах, она таит в себе немало загадок. Исследователи до сих пор, например, почти не обращали внимания на некоторые судьбоносные моменты в шолоховской биографии. Осмысление их позволяет внести существенные уточнения в понимание творческого развития писателя.

Интерес к долитературной биографии Шолохова побуждает нас пристально всматриваться в эпоху – события и реалии, формировавшие вектор его личной и творческой судьбы. Остановимся на тех из них, которые, на наш взгляд, имели решающее значение в становлении Шолохова как в личностно-психологическом, так и в мировоззренческом плане и не учитывались в должной мере при изучении его творчества.

Как формировалось шолоховское «русло представлений» о мире и человеке? Как складывался его жизненный путь?

«Я вырос в среде трудового казачества, – с гордостью говорил писатель в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды», – того, которое потом, в годы гражданской войны, называлось красным за поддержку Советской власти... Обновлялась жизнь, обновлялся Дон и его обитатели – люди трудолюбивые, упорные, с характером. Часть этой жизни, этого обновления – в моих произведениях»¹.

Изначально жизнь Шолохова была связана с Доном – своеобразным степным регионом России. Как личность он формировался в специфичной среде казачества, взаимодействие с которой во многом предопределило его судьбу, направленность творческих поисков. На основе непосредственного и целостного восприятия этой среды – со всеми особенностями ее социального бытия, традициями, богатством и многооттеночностью языка – складывался крестьянский в своей основе художественный мир писателя.

Дон, как и каждая российская область, будь то Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, по-своему необычен – в географическом, историческом, экономическом, этнографическом и других отношениях – и накладывает свой отпечаток на жизнь человеческую.

На Дону исторически сложился особый тип «землевладения за службу», определивший сохранение в казачьем быту многих средневековых черт. Ленин отмечал, что казачество является «привилегированным крестьянством», характеризующимся сословной и областной замкнутостью, типичной для феодальных отношений. Он относил область Войска Донского к числу самых патриархальных.

Специфический жизненный уклад этого военно-земледельческо-го сословия («народа в народе», или субэтноса, если прибегнуть к точному научному определению) сохранился в почти неизменном виде до 1917 года.

Своеобразие экономического положения казачества состояло в том, что патриархальный семейный уклад (крестьянский труд, всецело подчиненный природному календарю, вносил в жизнь казака подлинно эпический элемент) сочетался с укладом сословия (военная служба, лагерные сборы, походы и т. д.). С раннего детства и до глубокой старости казак ощущал себя хлеборобом и одновременно профессиональным воином. Этим объясняется сила и глубина связей казака с семьей, миром природы, натуральным хозяйством и конечно же с профессиональным военным коллективом, каким было Войско Донское².

Бурные события капиталистической эпохи существенно меняли уклад сословия. К тому моменту, когда Шолохов вступал в жизнь, казачество уже не представляло собой, как прежде, единого целого: с каждым годом усиливался процесс разложения казачьей земельной общины. В казачьих хуторах и станицах, с одной стороны, вырастала и укреплялась зажиточная верхушка, с другой стороны, увеличивалось количество маломощных хозяйств. Как и крестьянство Центральной России, казачество делилось на кулаков, середняков и бедняков.

Находясь в стесненном экономическом положении, казачья беднота не имела средств для выполнения священной для сословия обязанности – снаряжать своих сыновей, идущих на военную службу, конем и амуницией. (Вспомним в этой связи Андрея Разметнова, которому, дабы не посрамить хутор, коня «справили» на общественные деньги.)

Резко ухудшила положение трудящихся масс казачества империалистическая война, ускорившая процессы классовой дифференциации. Масштабы мобилизации казачьего населения в этот период были значительно выше, чем где бы то ни было. Подавляющее большинство хозяйств осталось без рабочей силы.

И все же, несмотря на это, значительная часть казачества продолжала оставаться мелкими привилегированными землевладельцами. Величина казачьего пая, вплоть до Октябрьской эволюции, превышала средний земельный надел крестьянина почти в 10 раз. Казачья беднота не знала той крайней нужды, какую испытывали коренные крестьяне («мужики»), иногородние, «тавричане», составлявшие большую часть населения Донской области.

Гражданская война на Дону, резко размежевавшая население области, не была, однако, войной сословной («всех казаков против всех иногородних»), как утверждали некоторые историки 20-х годов, а войной классовой, принявшей невиданно жестокие формы.

Казачество воспринимало перспективы всякого рода преобразований и новшеств, особенно в землевладении, весьма враждебно. Старое на Дону держалось особенно долго, новое приживалось медленно и болезненно.

Все эти бурные исторические процессы начала XX века послужили социально-историческим фоном, на котором разворачивалась шолоховская биография. Выросший в среде казачества, он явился живым свидетелем распада казачьей земельной общины. Перевернутая революцией жизнь поражала контрастами и противоречиями, побуждала к размышлению над социальной природой разворачивающихся в быту человеческих драм.

Социальные перемены в народной жизни, происшедшие в результате революции и войн – империалистической и гражданской, – создали предпосылки для самоопределения шолоховского таланта, одновременно наделив его драматической, трагедийной силой.

На примере детства и юности писателя воочию убеждаешься, как общественные и экономические сдвиги сказались на человеческой биографии, вторглись в нее.

Шолоховская биография поражает своей необычностью. Происхождение писателя, его семейное положение в первые годы жизни заслуживают гораздо большего внимания, чем им обычно уделяют исследователи.

Шолоховы не принадлежали к казачьему служилому сословию, были «иногородними». Корни семейного рода – в старинном подмосковном городе Зарайске, некогда входившем в состав Рязанской губернии. По платежным, ревизским и писцовым книгам литературовед В.И. Стариков установил, что упоминания о первых Шолоховых, живших в Пушкарской слободе,

относятся к 1715 году. Здесь жили прапрапрадед писателя Сергей Фирсович Шолохов, прапрадед Иван Сергеевич, прадед Михаил Иванович.

Подростком приехал на Дон дед писателя, Михаил Михайлович Шолохов. Он поступил по найму приказчиком в лавку к местному купцу Мохову. Женившись позднее на его дочери, Марии Васильевне, сам вышел в купцы. Их второй сын, Александр Михайлович Шолохов (1865–1925), и был отцом великого писателя.

Александр Михайлович продолжил торговые традиции шолоховского рода. Он служил приказчиком в мануфактурной лавке отца, в хуторе Кружилине. Недвижимой собственности Александр Михайлович не имел, но, будучи человеком предприимчивым, с хозяйской сметкой, он всячески стремился обрести экономическую самостоятельность: сеял хлеб на арендованной казачьей земле, торговал мелкими хозяйственными товарами, разъезжая по хуторам и станицам, был «шибаем» (скупщиком скота). Он мог бы составить себе хорошую партию – жениться, например, на одной из дочерей местной помещицы Поповой из хутора Ясеновка, в доме которой был частым и желанным гостем, однако купеческий сын сделал иной выбор. У Поповых ему приглянулась горничная – крестьянская девушка Анастасия Черникова, происходившая из многодетной семьи бывших крепостных переселенцев Черниговской губернии. Она отличалась природным умом и сильным характером. Их знакомство переросло в глубокое взаимное чувство. Эта романтическая история заслуживает особого внимания.

Александр Михайлович намерен был жениться на Анастасии, но для купеческого сына женитьба на бесприданнице, да еще иногородней, как называли на Дону тех, кто не имел собственного пая земли, было, по законам патриархальной морали, неслыханной дерзостью. Родители А.М. Шолохова решительно воспротивились этому неравному браку и, прибегнув к хитрости – помощи наказного атамана, насильно выдали Анастасию Даниловну за вдовца, казака Кузнецова. (Иногородняя, выходящая замуж за казака, становилась казачкой.) Александр Михайлович в знак протеста обозлился на отца. Вроде бы и конец этой истории.

Однако вскоре Анастасия ушла от Кузнецова и под видом экономки поселилась в Кружилине, в доме Александра Михайловича. Здесь и родился 24 мая 1905 года будущий писатель.

Восемь мучительно долгих лет переживала Анастасия Даниловна унижительное положение «двухмужней», пока неожиданная смерть ее первого мужа, Кузнецова, не избавила ее от страданий. Родители Шолохова обвенчались лишь в 1913 году.

В «Метрической книге бракосочетавшихся в 1913 году» церкви хутора Каргинского краеводем П.Я. Донсковым обнаружена следующая запись: «Мещанин Рязанской губернии города Зарайска Александр Михайлович Шолохов, православного вероисповедания, первым браком. Лет жениху 48».

О невесте сделана такая запись:

«Еланской станицы (хутора Каргина) вдова казака Кузнецова, православного исповедания, вторым браком. Лет невесте: 42».

Обряд венчания совершали священник Емельян Борисов и псаломщик Яков Проторчин в присутствии поручителей: от жениха – «мещанин Иван Сергеев Левочкин и мещанин Петр Михайлов Шолохов», от невесты – «крестьянин Тамбовской губернии Шацкого уезда Атиевской волости Козьма Кондрашев и мещанин Воронежской губернии города Острогжского Владимир Николаев Шерстюков».

Подписи: «?Священник Емельян Георгиев Борисов и псаломщик Яков Проторчин».

В графе «месяц и день» отмечено: «шоль, 29»³.

Первоначально жизненные обстоятельства складывались отнюдь не в их пользу. Казалось, нельзя соединить «несоединимое» – сына купца и простую крестьянку-бесприданницу. Но жизнь диктует свои, иные законы. Поправ условности среды, женщина уходит от законного мужа и возвращается в дом того, кому по праву принадлежало ее сердце. Так, вопреки всему,

соединили свои судьбы русский и украинка, сын купца и простая крестьянка. Непредсказуемостью развязки этот жизненный сюжет напоминает скорее сюжет новеллистический. Возможно, этот биографический факт (а его отзвуки угадываются в ранних рассказах «Двухмужняя», «Нахаленок», а также в «Тихом Доне» (линия отношений Григорий Мелехов – Аксинья – Степан Астахов) послужил толчком для многих раздумий Шолохова над социальной диалектикой бытия и, художественно переосмысленный, явился одним из определяющих мотивов шолоховского творчества – соединение подчас несоединимого среди взаимоисключающих начал жизни. (Вспомним в этой связи Дуняшку Мелехову, вышедшую замуж за убийцу брата – Мишку Кошевого.)

В художественном мире Шолохова этот мотив всегда соотнобразуется с логикой развития характера, поставленного обстоятельствами в нравственную коллизию выбора.

Весьма любопытна и история женитьбы самого писателя на М.П. Громославской, дочери станичного атамана, выпускнице епархиального училища, которая связала свою судьбу с ним также вопреки, казалось, привычным представлениям о морали. «При моем участии когда-то, – рассказывал Шолохов Е.Г. Левицкой, – отца моей жены теперешней приговорили к расстрелу, а мы после этого познакомились и поженились»¹. Писатель даже шутил по этому поводу: «Ты же епархиалка. Тебя в жены попу готовили»⁵. В самом деле, какие поистине неожиданные повороты открывает в себе шолоховская биография!

Особая реакция Шолохова на семейные конфликты времени, его тревожно-трагическое восприятие мира, столь поражающее нас в его произведениях, восходит, очевидно, к остро прочувствованной в пору детства известной дисгармонии человеческих отношений. Нельзя не видеть определенной приверженности писателя к семейным мотивам собственной биографии, угадываемой в сюжетах его произведений.

Семью – своего рода барометр экономического и нравственного самочувствия общества – Шолохов поставит в центр своего художественного мироздания. Именно через семью – завязь жизни – в годы революции и гражданской войны проходила равнодействующая истории, определяющая главное русло ее течения.

Вернемся, однако, к факту, связанному с рождением Шолохова. Не в меньшей мере, чем его мать, тягостное ощущение «незаконности» своего положения («нахаленка») пережил он в раннем детстве, находясь «на грани двух начал», – формально считаясь казаком, а реально – сыном купца («мещанина») ⁶. До того момента, как мальчика усыновил его фактический отец (А.М. Шолохов), он, считавшийся казачьим сиротой, носил фамилию первого мужа матери – Кузнецов, имел пай земли и все казачьи привилегии. Писатель сообщает в автобиографии: «До 1912 года и она (Анастасия Даниловна. – В. З.) и я имели землю. Она как вдова казака, а я как сын казачий, но в 1912 году (здесь Шолохов допускает неточность: родители его обвенчались в 1913 году. – В. З.) отец мой, Шолохов, усыновил меня (до этого он был не венчан с матерью), и я стал числиться сыном «мещанина» ⁷.

За этими скупыми строчками автобиографии стоит трудное детство, сложность, а подчас и жестокость первых жизненных впечатлений. Нетрудно себе представить, как больно резало слух мальчика колкое и обидное прозвище «нахаленок». Шолохову, уязвленному до слез насмешками своих сверстников и пересудами хуторян, приходилось терпеливо переживать в душе горькие, незаслуженные обиды. Любопытен в этой связи один исторический факт. Когда-то Петр I издал специальный указ о том, чтобы всех незаконнорожденных записывать в художники. Кстати, тема судеб незаконнорожденных в русской культуре (в этот ряд можно поставить В.А. Жуковского, Н.Ф. Федорова, А.И. Герцена, А.А. Фета, художника В.Г. Перова и других) могла бы стать объектом специального исследования.

Уже ранняя биография Шолохова говорит о том, что он изначально формировался как художник широкого диапазона чувств и мысли. Вероятно, прав был И. Бунин, говоривший о типе физической организации как предпосылке «обостренного ощущения Всебытия»⁸.

Шолохову часто задавали вопрос о его социальном происхождении. В письме к М.И. Гриневой от 28 декабря 1933 года он на этот вопрос ответил так: «Напрасно вы меня оказали. Я никогда казаком не был. Хотя и родился на Дону, но по происхождению – «иногородний»⁹.

Такой вопрос был задан и на одной из встреч со студентами Упсальского университета (Швеция): «В «Истории советской литературы», вышедшей на Западе, профессор Струве пишет, что вы полуказак. Там написано, что ваша мать казачка, а отец – нет. Шолохов ответил: «В какой-то мере это так. Дело в том, что моя мать (она украинка) вышла замуж за казака и рано овдовела. Потом она жила с моим отцом, как говорится, гражданским браком, не венчанные были. Сколь я родился, а она была, так сказать, вдовой, я по формуляру числился казаком, имел пай земли, все привилегии казачьи. Затем отец меня усыновил. Уже после моего рождения они перевенчались с матерью и (по документам) я стал числиться уже русским... У нас таких людей называли иногородними. Вот я – иногородний»¹⁰.

Не в этих ли хитросплетениях судьбы, сложных перипетиях шолоховской биографии следует искать отчасти объяснение литературной позиции писателя, его беспристрастного реализма? Изображая казачество, уходящий с исторической арены опыт военно-земледельческого сословия, он сумел посмотреть на этот своеобразный мир как бы с двух точек зрения – глазами казака («Он пишет как казак, влюбленный в Дон»¹¹. *М. Горький*) и одновременно глазами «иногороднего» – человека иной среды.

Детство оставляет у человека множество впечатлений разного свойства. Годы просеивают эти впечатления, что-то забывается, уходит в небытие, а что-то навсегда остается в памяти, – как общий душевный фон, как нравственная атмосфера пережитого.

Страдания и духовные раны часто открывают путь в искусство и становятся сильной действенной пружиной художественного творчества. Трагическое, выражая собой предельное и конфликтное в жизни, делает искусство особенно трепетным, живым и незабываемо впечатляющим и глубоким.

Двойственность положения («грань двух начал»), остро прочувствованная Шолоховым в детстве, была следствием реальных жизненных противоречий и контрастов, за которыми стоит глубокий социальный смысл.

Пережитое остропамятливым детским сердцем состояние «незаконности» своего положения Шолохов художественно воссоздал в рассказе «Нахаленок», о котором в беседе с Е.Г. Левицкой говорил, что это «отчасти автобиографический рассказ»¹².

В нем воссоздан портрет вихрастого Мишки – «нахаленка»:

«Мишка собой шустрый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нарастающие крупинки речного льда».

«Для отца он – Минька. Для матери – Минюшка. Для деда – в ласковую минуту – постреленыш, а в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза – «эй, Михаиле Фомич, иди я тебе уши оболтаю!».

А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы – Мишка и «нахаленок».

Девкой родила его мать. Хотя через месяц и обвенчалась с пастухом Фомою, от которого прижила дитя, но прозвище «нахаленок» язвой прилипло к Мишке, осталось на всю жизнь за ним».

Психологическая достоверность биографических деталей органично входит в художественную ткань произведения. Совершенно очевидно, что в творчестве Шолохова детские впечатления получили художественное осмысление и повлияли на характер его художественного мировидения. Для Шолохова-художника крайне важна детская точка зрения на происходящее, ибо в детском сердце, как в фокусе, своеобразно пересекаются и сходятся реалистическое и романтическое в жизни. Через детское незамутненное сознание (оно выступает как форма воссоздания и осмысления действительности) писатель стремится показать большой мир, рост в человеке чувства социальности.

Вспомним в этой связи и рассказ «Семейный человек». У паромщика Микишары нет ни тени сомнения и раскаяния в содеянном. (Ради того, чтобы отвести от голодной смерти семерых малолетних детей, он по принуждению белоказаков убил двоих сыновей.) «Жестко и нераскаянно» из-под напухших век смотрят глаза Микишары: «... Через кого все так подделалось? Да все через них же, через детей!» «Вот ты и рассуди нас, добрый человек! Я за детей за этих сколько горя перенес, седой волос всего обметал. Кусок им зарабатываю, ни днем, ни ночью покою не вижу, а они...»

Вопрошая, Микишара твердо убежден, что его жестокий поступок сполна оправдывает закон обстоятельств. Однако Шолохов судит героя иным судом, нравственным, вкладывая приговор в уста ребенка, дочери Натальи: «Гребостно мне с вами, батя, за одним столом исть. Как погляжу я на ваши руки, так сразу вспомню, что этими руками вы братьев побили; и с души рвать меня тянет...»

В рассказе «Семейный человек» звучит мотив нравственной ответственности человека за свои деяния. Шолохов не снимает этой ответственности с человека даже тогда, когда, казалось, возможности противостоять обстоятельствам исчерпаны сполна и выбора нет.

Образ Микишары взят писателем из жизни. В своих записках Е.Г. Левицкая приводит такой разговор Шолохова с председателем Плешаковского сельсовета: «А как поживает Микишара?» – вдруг спросил М.А. Тот (председатель. – В. З.) замялся. «Приходил ко мне, просил дать свидетельство о политической благонадежности, хочет охотой заняться, ружье купил, – говорит: «У меня сын был красноармеец...» «Да ведь ты сына-то убил, – говорю ему. – Не дал ему свидетельства», – закончил председатель»¹³.

В развитии детской темы Шолохов явился продолжателем традиций русской классики. В художественном мире русской литературы дети живут в тесном и чаще всего очень драматичном для них соприкосновении с миром взрослых. Именно в детских судьбах русские писатели открывали особенно веские, неотразимые аргументы для критики существующего социального строя¹⁴. Достоевский считал страдание детей великой темой.

Достоевский выверял нравственные истины отношением к этим истинам детей, размышляя о детях как о будущем человечества. Князя Мышкина он оставил взрослым ребенком, сохранившим по-детски невинное, естественное восприятие мира, людей.

Детство Шолохова прошло на степном приволье. Будни донских хуторов и станиц, быт казаков, их нелегкий каждодневный крестьянский труд в поле и тяжелая военная служба – вот атмосфера, которая с детства окружала будущего писателя. Это была жизнь, близкая к земле, крестьянскому труду, неброской степной природе, включавшая в себя не только крестьянские будни, но и яркие впечатления от шумных ярмарок, народных игр и представлений. Она закладывала основы подлинного демократизма, пробуждала внимание к духовной деятельности народа. Красочная панорама глубинной народной жизни, замечательное искусство народа открылись Шолохову в самую отзывчивую, самую чуткую пору детства. Именно в эти годы в душу впечатлительного ребенка входит еще не осознанное, но цементирующее весь строй личности, представлений, ценностей народное начало, – возникает завязь чувства стихийного историзма. Уже в долитературный период он столкнулся со всеми особенностями

социального, нравственного облика жителей Донского края, традициями и канонами казачьей народной культуры.

Это был период скорее эмоционального, чем рассудочного постижения мира, весьма богатый событиями, встречами с контрастными характерами, стилями поведения людей, знакомством с жизнью разных классов и сословий, национальностей, породивший у будущего писателя особую восприимчивость к калейдоскопически меняющемуся богатству и многообразию явлений.

Отец Шолохова часто менял профессии и место жительства, много кочевал по Донской области, таким образом будущий писатель, переезжая с семьей с места на место, познакомился с жизнью и бытом многих хуторов и станиц Верхнего Дона. Каковы были маршруты этих передвижений?

В 1910 году, прожив в Кружилине пять лет, семья Шолоховых переехала в хутор Каргин (позднее он будет переименован в станицу Каргинскую), где Александр Михайлович получил место приказчика в лавке купца Левочкина. С Каргиным связаны значительные события детства и боевой юности писателя. Здесь, в 1911 году, он будет брать первые уроки у сельского учителя Т.Т. Мрыхина, а через год, освоив начальный курс, поступит в Каргинское приходское училище. В 1920-е годы юный Шолохов с оружием в руках будет участвовать в становлении Советской власти. В Каргине будут написаны первые рассказы из донской жизни. Хутор Каргин часто упоминается в «Тихом Доне», события «Донских рассказов» происходят в основном в этом же хуторе.

Раннее детство писателя не ограничивается только донскими впечатлениями. Гимназический период его биографии, заложивший основы интеллектуального роста писателя, насыщен событиями, он прожит на *стыке сельской и городской жизни*. Так, в 1914 году, когда Шолохов заболел, отец отвез его, не успевшего закончить второй класс Каргинского приходского училища, в Москву, в глазную клинику доктора Снегирева. Остро переживалась девятилетним мальчиком разлука с семьей, родными местами. Непривычной для него, провинциала, была обстановка большого города.

После излечения Шолохов был определен в подготовительный класс частной мужской гимназии имени Григория Шелапутина. Во время учебы он жил на квартире у родственника по линии отца – А.П. Ермолова.

Отдельные московские впечатления этих лет отражены в «Тихом Доне». В клинику доктора Снегирева приедет с фронта на лечение Григорий Мелехов.

В связи с тревожной обстановкой, а также возникшими материальными затруднениями в 1915 году родители перевели мальчика в мужскую гимназию тихого провинциального городка Богучара, Воронежской губернии. В период обучения он жил в семье священника Д. Тишанского¹⁵. С домом соединяла мальчика переписка. Ради этого мать выучилась грамоте, чтобы самостоятельно читать письма сына.

Революционные события прервали обучение. Правда, некоторое время Шолохов учился во вновь открытой Вешенской гимназии, но полный гимназический курс ему завершить не удалось: в эти годы Дон явился ареной жестокой классово-сословной борьбы.

В 1918 году, когда на Дон, нарушая условия Брестского мира, пришли немецкие оккупационные войска, семья переехала в хутор Плешаков (здесь отец писателя работал управляющим паровой мельницей), а через год – перебирается в хутор Рубежный. С начала 1920 года – вновь в Каргин.

Детство будущего писателя совпало со временем социальной революции и войн – империалистической и гражданской, на Дону особенно ожесточенной, временем коренной ломки старого жизненного уклада, начавшейся задолго до этих грандиозных событий.

Оно прошло в хуторской глуши, удаленной на сотни верст от промышленных центров, в обстановке устного живого слова, овеванное романтикой воспоминаний служилых казаков об

их славных походах по военным дорогам Турции, Галиции, Восточной Пруссии; детство между казачьим куренем и тихим Доном, коридорами московской, богучарской, вешенской гимназий и бесконечной лазоревой степью, военно-земледельческим укладом крестьянско-казачьей жизни и бытом вольных хуторян, – детство между городом и селом, на стыке мирной и военной жизни. Эта жизнь, полная контрастов и противоречий, явственно показывала значение окружения, в которое погружен человек. Все это готовило и обещало специфическое, шолоховское восприятие мира.

Детские впечатления, повлиявшие на характер художественного мировидения писателя, в известной мере дают материал для отыскания истоков характерных особенностей его будущего творчества. Разве такие черты шолоховского дарования, как, например, познание самого языка степной природы, тонкое чувство красок, вплоть до тончайших, почти неразличимых оттенков и переходов, обостренное внимание к граням времени, преимущественно внешняя изобразительность и высокая степень эстетизации мира – не предвосхищены впечатлениями детства?

«Если биография художника, – проницательно заметил К. Федин, – служит коренным руслом его представлений о мире, – а это действительно так, – то на житейскую долю Шолохова выпало одно из самых глубоких, самых бурных течений, какие знает социальная революция в России».

Нравственное самоопределение Шолохова произошло в годы гражданской войны. В беседе с Ф. Кубкой писатель обронил такое признание: «Поэты рождаются по-разному. Я, например, родился из гражданской войны на Дону»¹⁶.

Шолохов оказался в самом эпицентре событий. Живя на территории белого казачьего правительства (1918–1920), он видел белый стан изнутри. Возможно, это обстоятельство повлияло на выбор ракурса художественного исследования в «Тихом Доне» и обусловило особую трудность в работе над романом.

В марте 1919 года юный Шолохов был очевидцем трагических событий Вешенского восстания, вспыхнувшего в тылу Красной Армии и создавшего реальную угрозу существованию Советской власти на Дону. В этой социальной «коловерти» он видел, как по-разному умирали люди: красные и белые, мужчины и женщины, старики и дети. «Во время гражданской войны был на Дону, – писал он в автобиографии. – С белыми ни разу никто из нашей семьи не отступал, но во время Вешенского восстания был я на территории повстанцев» (Знамя. 1987. № 10. С. 174).

Начиная с 1920 года, «с момента окончательного установления Советской власти на юге России», Шолохов, «будучи пятнадцатилетним подростком», работал «учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения» в хуторе Латышеве (февраль – сентябрь 1920 г.), служащим в станичном ревкоме (с сентября и до конца

1920 г.). «Сумел... изучить изрядное количество профессий», – писал он в автобиографии. Работал «учителем в низшей школе», «продовольственным инспектором». Принимал активное участие в общественной, хозяйственной и культурной жизни станиц Каргинской и Букановской. Это событийная канва, за которой стоит многое.

В своеобразном ритме смены профессий (статистик, учитель, продовольственный инспектор, журналист, служащий, актер драматического народного кружка, а позднее, в Москве, – каменщик, грузчик, счетовод и – писатель) угадывается своя закономерность, отражающая не только ход калейдоскопически меняющегося бытия, но и поиск себя, своей жизненной стези, а также меру причастности Шолохова к миру перестраивающейся на новый лад жизни. Все это можно назвать своеобразными этапами постижения будущим писателем сложнейшей науки народознания.

Думается, у некоторых «исследователей» не возникло бы двусмысленных вопросов о том, где молодой писатель мог почерпнуть столь глубокое знание многих пластов русской просто-

народной и литературной речи, народного быта, психологии простых казаков, если бы они не пытались предвзято интерпретировать факты шолоховской биографии.

Выросший в казачьей среде, Шолохов не только превосходно знал фольклор, специфику старого жизненного уклада, но и стоял у истоков экономического и культурного созидания сельской нови, видел разные ее фазы, наблюдал за тем, сколь много неожиданных, непредсказуемых поворотов открывает в себе сама жизнь, как круто она ломает порой человеческие судьбы.

Давление жестоких жизненных обстоятельств Шолохов познал на собственной судьбе.

В годы продразверстки для борьбы с бандитизмом на Дону были сформированы части особого назначения – ЧОНЫ, в которых довелось служить Шолохову. Он писал в автобиографии: «С 1920 года служил и мыкался по донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами. Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетках». Один из таких «переплетов» едва не стоил ему жизни. Осенью 1920 года продармеец Шолохов попал в плен к Махно и лишь по счастливой случайности (во время допроса, который вел сам атаман, за Шолохова заступилась хозяйка хаты) избежал смерти. Махно отпустил юношу, пригрозив в случае повторной встречи виселицей. Отсвет драматических событий этих дней угадывается в повести «Путь-дороженька» (1925), где герой ее, Петька Кремнев, оказался в ситуации, пережитой несколько лет назад самим писателем.

Период службы Шолохова в продовольственных органах – еще одна драматическая страница его биографии.

В мае 1922 года, после окончания краткосрочных курсов продовольственной инспектуры в г. Ростове, Шолохов был направлен в станицу Букановскую, где работал станичным инспектором.

После голодного 1921 года положение со сбором налога в станице Букановской было критическим. Вспомним начало шолоховского рассказа «Продкомиссар».

«В округ приезжал областной продовольственный комиссар.

Говорил, торопясь и дергая выбритыми досиня губами:

– По статистическим данным, с вверенного вам округа необходимо взять сто пятьдесят тысяч пудов хлеба. Вас, товарищ Бодягин, я назначил сюда на должность окружного продкомиссара как энергичного, предприимчивого работника. Надеюсь. Месяц сроку... Трибунал приедет на днях. Хлеб нужен армии и центру во как... – Ладонью чиркнул по острому щетиному кадыку и зубы стиснул жестко. – Злостно укрывающих – расстреливать!..

Головой, голо остриженной, кивнул и уехал».

Продовольственные органы требовали собирать налог. Время было напряженное. Сельское хозяйство Верхнего Дона, пережившего страшный голод 1921 года, находилось в трудном положении. В тех исключительных условиях важное значение придавалось разъяснению народу смысла продовольственной кампании. Страна крайне нуждалась в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах.

В Букановской Шолохов оказался лицом к лицу со сложными проблемами крестьянской жизни, решение которых требовало от него не только глубоких знаний, но прежде всего смелости и решительности.

Важную информацию об этом периоде содержит документ – отчет Шолохова о положении со сбором налога в станице Букановской. Сквозь строки документа, написанного кровью сердца, просвечивает глубокое знание хозяйственных нужд казачества, внимание к народному быту, понимание основы взаимоотношений Советской власти с крестьянством в период нэпа. Живой документ эпохи убеждает в том, что писатель изначально принадлежал к разряду тех людей, которых беспокоили вопросы практического созидания сельской нови. Суровая действительность обязывала молодого Шолохова видеть и понимать противоречивость психики и

поведения крестьянина в первые годы Советской власти. За цифровыми налоговыми показателями Шолохов разглядел сложные человеческие характеры и судьбы людей, трудно пробивающих свой путь к новой жизни.

Шолохов писал в докладе окружному продовольственному комиссару Шаповалову, что, несмотря на проведенную им разъяснительную работу среди населения, призывы «давать правдивые и точные» сведения о площади посева, хлеборобы «чуть ли не поголовно скрыли» истинную цифру засеваемой площади и что все старания пошли насмарку. Пришлось начинать все сначала.

Какие же формы и методы работы использовал семнадцатилетний инспектор Шолохов? Он пишет в докладе: «Путем агитации в одном случае, путем обмера – в другом, и, наконец, путем... показаний и опроса... местный пролетариат сопоставлялся с более зажиточным классом посевищиков...»¹⁷

В ходе тщательной проверки поступивших от хлеборобов сведений о размерах посева Шолохов пришел к выводу, что налоговое задание для станицы Букановской значительно завышено и установлено окружными продовольственными органами без учета реального состояния дел.

Характеризуя Букановскую как самую бедную в экономическом и агрономическом отношении по сравнению с другими станицу, Шолохов с болью сердца поведал о человеческой трагедии – голоде, выявив истинную причину того, почему хлеборобы, прикрываясь круговой порукой, давали заведомо неверные сведения о размерах посевной площади. Защищая своих земляков, взывая к справедливости, Шолохов писал в докладе: «Семена на посев никем не получались, а прошлогодний урожай, как это нам известно, был выжженным: песчаные степи. В настоящее время смертность на почве голода по станице и хуторам, особенно пораженных прошлогодним недородом, доходит до колоссальных размеров. Ежедневно умирают десятки людей. Съедены все корни, и единственным предметом питания является трава и древесная кора. Вот та причина, из-за которой задание не сходится с цифрой фактического посева»¹⁸.

Доклад Шолохова о сборе продналога в станице Букановской сыграл важную роль в судьбе его земляков. Это был крик души человека, решительно протестующего против волюнтаризма, грубости и бездушия в аграрной политике. В документе красной нитью проходит мысль о бережном, внимательном отношении к крестьянину-казаку, о необходимости понимания специфики его труда. Позднее она будет выражена в рассказе «О Донпродкоме и злоключениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицына», сюжет которого генетически восходит ко времени обучения Шолохова на курсах продовольственной инспектуры.

Рассказом «О Донпродкоме...» Шолохов решительно осуждал «партизанские» методы руководства аграрной политикой.

Однако вернемся к истории со сбором продналога в станице Букановской.

Несмотря на чрезвычайность сложившейся обстановки, Шолохов, имея полноту власти, хотя и вел жесткую «линию», все же не прибегал к судебным санкциям, обходился без крайних мер. Между тем тогда не обошлось без драматических моментов. В письме к Левицкой от 22 июля 1929 года Шолохов писал об этой поре так: «Я работал в жесткие годы, 1921–1922 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; *шибко* я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти...»¹⁹

Что стоит за словами «шибко комиссарил», «превышение власти»?

Мария Петровна, работавшая в то время под началом Шолохова статистиком, рассказывала автору настоящих строк в апреле 1986 года, что, организовывая тщательную проверку поступавших от хлеборобов сведений, Михаил Александрович не допускал формализма, в отдельных, особых случаях снижал налоговые показатели. Нельзя забывать того факта, что в станице Букановской властями была установлена сильно завышенная цифра продналога.

Действия Шолохова по сбору налога в этих чрезвычайных условиях были истолкованы как попустительство («превышение власти»). Состоялся суд. В горячке семнадцатилетнего подростка приговорили к расстрелу. Два дня он сидел «в темной» под арестом в ожидании исполнения приговора, однако, принимая во внимание его несовершеннолетие, а также историю с явным завышением налога, в которой были прежде всего повинны окружные продовольственные органы, ревтрибунал счел возможным заменить расстрел условным сроком наказания. Об этом факте Шолохов сообщает в обнаруженной нами автобиографии: «В 1922 году был осужден, будучи продкомиссаром, за превышение власти: 1 год условно»²⁰.

Мария Петровна на мой вопрос, в чем состояло «превышение власти», в сердцах сказала: «Какое там превышение власти! Михаил Александрович пострадал за человечность свою. Ведь налог-то со своих земляков собирал! Старался всех понять, быть справедливым...» Далее она добавила: «Принимая во внимание несовершеннолетие, дали год условно – таково было решение суда».

И вновь, как в плену у Махно, Шолохов оказался перед лицом смерти, не раз по-девичьи засматривавшей ему в глаза. Впоследствии он так рассказывал об этом драматичном эпизоде писателю А. Софронову: «Два дня ждал смерти... А потом пришли и выпустили... Жить очень хотелось...» (Огонек. 1961. № 10. С. 16).

Вдумаемся, что пережил семнадцатилетний юноша в ожидании приговора? Что в те дни и часы, показавшиеся тогда не одной прожитой жизнью, ему представлялось? Возникает весьма интересная историческая параллель. В 1849 году другой русский писатель, Ф.М. Достоевский, и также в самом начале пути пережил страшное потрясение, во многом предрешившее его духовное развитие, дальнейшую его судьбу. Оно явилось началом перелома в мировоззрении Достоевского, который совершила каторга. Речь идет об ожидании смертного приговора, который лишь в последний момент заменили другим – каторгой. Однако промежуток в десять минут между этими приговорами, показавшийся вечностью, имел решающее значение в судьбе писателя. Из социалиста, члена кружка Буташевича-Петрашевского, Достоевский стал позднее едва ли не самым радикальным оппонентом Чернышевского, звавшего к топору Русь.

Хотя рассматриваемые явления и факты и находятся в разных временных плоскостях и социальных сферах, они таят в себе некоторое типологическое сходство. Соотнесение этих историко-литературных фактов помогает рельефнее высветить характерное, глубже понять судьбоносные моменты в писательских биографиях.

Ю. Бондарев заметил по этому поводу: «Правда – это жестокая красота. Познать ее – значит прикоснуться к вершинам духа. Я уверен, что без тюрьмы, без десяти смертельных минут на семеновском плацу, внезапного помилования и тяжелой каторги был бы другой Достоевский-писатель. Как был бы другой Толстой без севастопольских бастионов. Они еще молодыми стояли на пороге жизни и смерти, перед бездонными глазами небытия. В конце концов действительность рождает писателя. Но потом писатель создает действительность, характеры, красоту, которая становится одухотворенной реальностью»²¹.

То, что пришлось пережить Шолохову в годы детства и боевой юности, убеждает нас в подлинной глубине социально-нравственных прозрений, которые видны уже в ранних произведениях писателя.

Драматизм и острота жизненных переживаний в самые молодые и детские годы наложили особый отпечаток на характер художественного мировидения писателя, трагедийного в своей основе.

Пережитое составило основной запас жизненных впечатлений, добытых ценой личного участия в грандиозных событиях. Богатый опыт Шолохова оказался созвучным духу эпохи, отразился в его литературной практике.

На многих произведениях Шолохова лежит отсвет его трагедийной судьбы. Лично-биографическое и региональное (донское), своеобразно преломляясь в его художественном мире, становится важным элементом философско-художественной системы писателя.

А. Сергин **Шолохова с детства люблю...**

В хуторе Кружилинском жил Александр Михайлович Шолохов с семьей. Получал он небольшую зарплату, работая торговым служащим.

Замечательные то были люди, трудолюбивые и гостеприимные.

24 мая 1905 года в семье Шолоховых родился сын – Михаил.

Когда ребенку исполнилось год, мне пришлось за ним наблюдать. Рос Михаил послушным и некапризным мальчиком.

В четырехлетнем возрасте он был затейником всяких детских игр, порою без удержу игривый, постоянный охотник до всяких сказок и рассказов.

Любили в детстве мы играть в войну, и Миша, меньший среди нас, тоже «скакал» на хворостине, воображая ее донским ретивым конем.

Излюбленным местом нашей игры был Голый Лог, где «на смерть» сражались «русские войска» с «японцами» за Порт-Артур.

Миша был в центре этих «событий».

Детская любознательность Михаила была чрезвычайно многообразна. Он числился постоянным наблюдателем казачьих свадеб, песен и задорных плясок.

Ко всему новому проявлял огромный интерес, отличаясь замечательной памятью.

Моя мать знала много сказок и рассказывала их вечерами.

Учиться начал Шолохов в Кружилинской церковно-приходской школе, а затем, когда переехали родные, – в Каргинской школе и Богучарской гимназии.

После Михаил Шолохов учился в Москве, где мне пришлось снова видеть его и слушать его рассказы.

В станице Вешенской я встретил Михаила Александровича Шолохова автором больших полотен художественной литературы: «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Михаил Александрович исключительно простой и отзывчивый человек.

За него я буду голосовать в Депутаты Верховного Совета СССР».

Т. Мрыхин

Из моих воспоминаний

Почти вся моя сознательная жизнь заполнена работой в школе. За долгие годы работы через мои руки прошли тысячи маленьких людей, одолевавших первые шаги учения. Приходили они в школу почти младенцами и на моих глазах росли, переживали радость познания, постепенно расширяли свой умственный кругозор, хорошели. В моей памяти сохранилось много незабываемых детских образов, озаренных радостью успеха в учении или озабоченных и настойчиво преодолевающих трудности.

Одним из таких ярких воспоминаний является воспоминание о работе с Мишей Шолоховым. Мише тогда было около 7 лет. Родители его пригласили меня поработать с ним на дому – обучить грамоте, на что я охотно согласился. Он был хрупким, но очень живым и любознательным мальчиком. Во время наших занятий он всегда внимательно выслушивал объяснение всего нового, легко и быстро одолевал грамоту. Я и теперь ясно представляю себе, как Миша в момент объяснения урока весь превращался во внимание и сидел неподвижно, уставив свои острые глаза на объект объяснения. Самым трудным для Миши на первых шагах учебы было письмо, так как слабые детские пальцы с трудом справлялись с написанием цифр и букв. Но маленький поборник наук старательно трудился над письмом и был очень доволен, когда удавалось справиться с каллиграфией буквы или ее элемента.

В усвоении чтения и счета Миша не испытывал никаких затруднений и быстро продвигался вперед.

Работа с Мишей доставляла полное удовлетворение, так как я видел, что мой труд щедро вознаграждался прекрасными успехами моего прилежного ученика. За 6–7 месяцев Миша прочно усвоил курс первого класса: хорошо читал, успешно справлялся со счетом в пределах сотни, писал четко и опрятно.

Так протекали наши занятия, в процессе которых вскрывались все новые и новые качества, новые способности Миши: пылкость, острая сообразительность, растущая жажда к знаниям.

Грустно было подумать о том, что в условиях удушающего царского режима мог, не развернувшись, погаснуть талант Миши, как гибли тысячи талантов нашего даровитого народа.

Но к нашему счастью и к великому счастью тружеников всего мира, грянул гром Великого Октября, и пали цепи угнетения и рабства. Настала пора свободной и радостной жизни, настала счастливая пора свободного развертывания творческих сил народа. В замечательных условиях советской действительности под постоянной заботой и мудрым руководством Коммунистической партии Советского Союза у нас выросла целая плеяда даровитых людей, прославивших нашу Родину своими достижениями в различных областях нашей великой стройки. В этих условиях бурно развивался и пышно расцвел талант Миши Шолохова, выросшего до писателя с мировым именем, до большого государственного деятеля.

В день 50-летия Михаила Александровича Шолохова хочется от всего сердца пожелать дорогому юбиляру крепкого здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов в его творческой работе во славу нашей великой Родины.

П. Чукарин

Ученик богучарской гимназии

В прошлом году исполнилось пятьдесят лет с начала творческой деятельности выдающегося советского писателя Михаила Александровича Шолохова. Его богатая событиями жизнь по крупицам вкраплена в рассказы, повести, романы.

Но о богучарской поре детства Шолохов написал в автобиографии всего одну фразу: «Учился в Богучарской мужской гимназии». Воспоминания же об этом у него неизгладимы, и он нередко в кругу друзей, а чаще всего при встречах со школьниками с теплотой рассказывает о маленьком провинциальном городишке с благозвучным названием Богучар, о людях, с которыми свела его там судьба.

...В двухстах сорока верстах к югу от Воронежа на низменном месте, по левому берегу мелководной речушки растянулся город шириной не более трехсот сажен. В ту пору он имел шесть улиц с добротными кирпичными купеческими домами, двенадцать переулков и одну площадь с двухэтажной городской управой в центре и торговым рядом из 33 лавок, 17 ларей и пяти трактиров. Трижды в году над Богучаром стоял разноголосый людской гомон, ржание лошадей, носились в воздухе пряные запахи обильных ярмарок.

Населяли Богучар преимущественно купцы и мещане. Купцы закупали хлеб и скот у местных крестьян и у донских казаков и сбывали его в Елец и Воронеж. Мещане занимались малозначительным ремеслом для удовлетворения местных потребностей.

В городе было два собора, две приходских церкви, одна кладбищенская и одна «домовая» – при остроге, построенном здесь по повелению Екатерины II. Была еще больница и богадельня на двадцать мест.

Герб Богучара изображал на золотом поле хорька, «каковых, по свидетельству историка И.Ф. Токмакова, в окрестностях сего города очень довольно».

Город назван по имени речки, а первоначальное название ее тюркское. «Баурча» в переводе на русский означает: «речка, текущая по отлогому спуску с горы». В русских документах XVI–XVII веков появилось упоминание о речке Баучар. Иногда встречается написание «Боучар». Постепенно название изменилось: «Баурча – Боучар – Богучар – Богучарка».

На южной окраине города и поныне стоит кирпичное здание в три этажа, принадлежащее мужской гимназии. В массивном корпусе пятьдесят две комнаты и два зала – актовый и гимнастический, неподалеку, за речкой, – большой тополевы́й парк с аллеями. Здесь предстояло учиться Мише Шолохову, мальчику из казачьего хутора Кружилина, что входил в приграничную с Воронежской губернией станицу Вешенскую.

...Дом Тишанских, где поселили десятилетнего Мишу, – в центре города, восемью окнами глядел на улицу и на площадь. Небольшой аккуратный двор вымощен камнем, флигелек – кухня, сарай...

У Дмитрия Ивановича, преподававшего в гимназии закон божий, и его жены Софьи Викторовны было пятеро детей: Николай и Антонина – старшие, Алеша – Мишин сверстник и одноклассник и Елочка и Клава – меньшие. С первого же дня Миша был принят как равный в большой семье.

В Богучарской мужской гимназии учили русскому языку и литературе, из древних языков – греческому и латинскому, из европейских – французскому и немецкому. Кроме того – математике, физике, истории, географии, природоведению, рисованию, лепке, пению, гимнастике. Ну и, конечно, закону божьему, по тому времени обязательному для всех учебных заведений.

Директор гимназии, инспектор и большинство преподавателей имели гражданские чины – от губернского секретаря у письмоводителя Васильева до действительного статского советника у директора Новочадова.

Воспитанников учебного заведения всегда можно было отличить по форме. Они носили шинели с голубыми петлицами и блестящими пуговицами, гимнастерки и брюки навывпуск. На бляхах поясов и на кокардах фуражек – три буквы «БМГ» – Богучарская мужская гимназия. Вся форма (разумеется, кроме ботинок с калошами) – из светло-серого сукна. Из-за этого городские мальчишки дразнили гимназистов «мукомолами».

Гимназия отличалась строгими порядками. Парадным входом пользовались только директор, попечитель, инспектор и преподаватели. Воспитанники знали лишь черный ход, со двора. Не менее строг был и внутренний режим.

...Пятнадцатого августа 1915 года без пяти минут девять гимназистов построили и повели в актовЫй зал. Впереди – остриженные наголо первоклассники, за ними – гимназисты старших классов.

В почтительном молчании стояли перед огромным портретом царя и сияющей золотом иконой готовые к молитве гимназисты и преподаватели.

– ДостоинО есть яко. Во истину-у-у...

По окончании молитвы все сделали крутой поворот налево и пошли из зала по своим классам. Шествие замыкал директор Гавриил Алексеевич Новочадов. Так началось пребывание Шолохова в Богучарской гимназии.

В классе, расположенном на втором этаже, в числе тридцати пяти гимназистов учился и Миша Шолохов. Общительный и веселый мальчик в первый же день сошелся со своими сверстниками – Жорой Подтыкайло, братьями Александром и Владимиром Поповыми, Мишей Орловым, Васей Перевезенцевым, Александром Оборотовым. Жора и Миша заняли третью парту в третьем ряду от окна.

Очень нравилась Мише Шолохову молодая учительница, доброжелательная и справедливая Ольга Павловна Страхова. Она окончила Высшие женские курсы в Москве и привезла в Богучар идеи свободолЮбия. На ее уроках Миша часто читал вслух народные сказки, рассказы русских писателей. Он умел ярко передать содержание прочитанного, и Ольга Павловна хвалила его за это. Учеба Мише давалась легко, но он всей душой переживал за товарищей, которые не могли избавиться от «двоек».

Как-то перед летними каникулами преподаватели сидели на перемене в учительской, негромко разговаривали и заполняли классные журналы. Неожиданно в коридоре послышался голос директора гимназии Гавриила Алексеевича Новочадова. Он вошел, ведя с собой Мишу Шолохова.

– Откуда вы взяли такую манеру – заглядывать в учительскую и наблюдать, что делают преподаватели? – строго спросил он.

Мальчик немного смутился, но ответил спокойно:

– Мне нужно узнать, какую отметку выставит Адам Романович Слапчинский.

– Вы что, не успеваете по математике, по физике?

– У меня по этим предметам пять.

– Тогда зачем вы пришли?

– Об этом меня просил Гриша Лелекин, мой товарищ. Дома у него спрашивают отметки, а он их не знает, и его наказывают.

Гавриил Алексеевич посмотрел на Слапчинского, но тот, уткнувшись в журнал, не поднял даже головы, будто и не слышал, о чем идет речь. Новочадов знал, что этого догматика и рутинера в гимназии зовут «человеком в футляре», и в душе соглашался, что преподаватель действительно похож на чеховского героя.

Отметку Миша не узнал, угрюмый Адам Романович так и не назвал ее. Но поступок воспитанника понравился директору.

– Добрый мальчик. О товарище больше, чем о себе, заботится. Добрый и смелый! – проговорил он после того, как Миша ушел.

Латинский и греческий – эти «мертвые» языки юный Шолохов не любил. Не любил и закон божий, хотя и учил его из уважения к Дмитрию Ивановичу Тишанскому.

Дмитрий Иванович – высокого роста, стройный, с красивыми тонкими чертами лица, всегда подтянутый, аккуратный – нравился Мише. Дома, сняв с себя облачение, в обыкновенных брюках и в рубашке-косоворотке, он вовсе не походил на строгого законоучителя. И он, и Софья Викторовна, невысокая блондинка с вьющимися волосами, были внимательны, заботливы не только к своим детям, но и к Мише Шолохову. После обеда Софья Викторовна выпроваживала Алешу, Елочку, Клаву и Мишу на свежий воздух «гулять и резвиться». А вечером дружная семья слушала рассказы Дмитрия Ивановича или музыку. В доме Тишанских ценили живопись, на стенах просторных комнат висело немало репродукций картин великих русских художников, и о каждой из них Дмитрий Иванович мог рассказать много интересного. Порой он садился за рояль или брал в руки гитару и начинал петь русские и украинские народные песни. У него был отличный тенор.

Сын священника, Дмитрий Иванович получил духовное образование, но по складу характера, своим интересам и жизненным идеалам был человеком светским и широко образованным.

Он сам предложил Мише Шолохову пользоваться своей библиотекой. И после этого все чаще и чаще, когда дети уходили на прогулку, Миша оставался за чтением книги. Он дольше других не ложился спать, облокотившись о стол, подперев голову руками, сидел за «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя или юмористическими рассказами Чехова, лирикой Пушкина, Лермонтова. В переводе читал Гейне, Гете, Гюго, произведения многих других зарубежных писателей и поэтов.

Иногда Клава и Елочка просили Мишу почитать вслух, и он охотно исполнял их просьбу. Тогда к ним присоединялся и Алеша. За несколько вечеров они прочитали «Робинзона Крузо» Дефо, потом Некрасова, Тютчева... Особое впечатление произвели на него «Военные рассказы» Льва Толстого.

Однажды, небывало задумчивый, он ушел из дома сразу же после обеда и вернулся лишь с закатом солнца. Дмитрию Ивановичу сказал, что был у Дона, в шести верстах от города, там, где в Дон впадает Богучарка.

- И что же ты там делал? – поинтересовался Тишанский, вглядываясь в мальчика.
- Сидел... Вспоминал... Думал... – с расстановкой ответил Миша.
- Вспоминал? – удивился Дмитрий Иванович. – Что? Кого?
- Петра Первого, – улыбнулся Миша.
- Ты изволишь шутить над стариком? – тоже с улыбкой спросил Дмитрий Иванович.
- Нет, правда. Вы потом узнаете...

Директор гимназии Новочадов был частым гостем у Тишанских. Вдвоем с Дмитрием Ивановичем они устраивали домашние концерты. Гавриил Алексеевич – превосходный скрипач. Когда он играл, его открытое, выразительное лицо преображалось, пышные усы подергивались, руки дрожали, глаза увлажнялись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.